

Здѣсь уже замѣчается необыкновенное оживленіе, свидѣтельствующее о томъ, что тутъ проходитъ главная питательная артерія пятисотъ-тысячной арміи. Движеніе войскъ и обозовъ здѣсь непрерывное и подавляющее. Отсюда до самаго Дуная простирается обширная равнина топкой грязи, усыпанная трупами павшихъ лошадей и быковъ и другими неприглядными слѣдами многочисленныхъ передвиженій. Почти на самомъ берегу Дуная я безъ труда разыскалъ поселокъ нашихъ Свѣтланцевъ, которые живутъ здѣсь въ отлично устроенныхъ землянкахъ. Меня весьма радушно приняли старшій въ отрядѣ лейтенантъ А. Х. Кригеръ и мичманы Е. Н. Голиковъ и А. Ѳ. Стемманъ и гардемарины В. Н. Тиле и сейчасъ же усадили за столъ: я поспѣлъ какъ разъ къ ихъ завтраку. Землянка офицеровъ устроена съ большимъ комфортомъ и досаточно перегородкою раздѣлена на двѣ комнаты: столовую и спальню. Она отопляется большою печью и освѣщается двумя окнами; все это придаетъ ей очень уютный видъ. Живется здѣсь повидимому довольно сносно: служба состоитъ въ посуточномъ дежурствѣ на брантвахтенной шхунѣ, стоящей на якорѣ выше новаго моста, а въ свободное время близость Зимницы и Систова доставляетъ немалое развлеченіе; болѣе бойкаго мѣста трудно себѣ представить, имѣется здѣсь даже циркъ съ ежедневными представленіями. Одною изъ цѣлей моей поѣздки было приобрѣтеніе верховой лошади, которую предлагалъ мнѣ купить одинъ изъ нашихъ офицеровъ. Лошадка оказалась вполнѣ подходящая, турецкой породы, вороная, недавно приведенная изъ-за Балканъ: она имѣетъ такъ называемый „аянь“, т. е. въ родѣ иноходи. Я тутъ-же испробовалъ ее на верховой прогулкѣ въ Систовѣ, которую мы совершили кавалькадой. Движеніе по новому мосту чрезъ Дунай было временно приостановлено и поэтому мы могли проѣхать безъ задержки; но за то на противоположномъ берегу мы еле протѣснились между безчисленными обозами, фурами и поѣздами артиллеріи, скопившимися у подножія высокаго песчанаго обрыва. Понуканіе лошадей, брань и крикъ сливались здѣсь въ какой-то оглушительный гулъ. Съ трудомъ пробрались мы на дорогу, прорытую въ горѣ и ведущую въ Систовъ. Здѣсь поразилъ меня рѣзкій контрастъ между горною дикою природою Болгаріи и однообразіемъ сосѣдней румынской низменности, которая такъ приглядѣлась намъ. При вѣздѣ въ Систовъ пріятное впечатлѣніе производитъ красивая бѣлая церковь съ 5-ю куполами — это православный соборъ, существовавшій еще при туркахъ. Въ настоящее же время турецкая физіономія города, съ его узкими

и темными улицами, рѣшетчатыми гаремами и мечетями начинаетъ уступать мѣсто русскому отпечатку въ видѣ многочисленныхъ вывѣсокъ и вывѣшенныхъ кое-гдѣ русскихъ же національныхъ флаговъ. Всевозможные магазины, комиссіонерства и управленія заняли всѣ лучшія строенія въ городѣ; улицы наводнены нашими солдатами всевозможныхъ дивизій и полковъ, офицерами всѣхъ родовъ оружія и чиновниками. Много также попадаетъ солдатъ болгарской дружины въ сѣрыхъ шинеляхъ и мѣховыхъ шапкахъ, украшенныхъ осьмиконечнымъ крестомъ. Мѣстоположеніе Систова чрезвычайно живописное: онъ раскинулся на косогорѣ надъ Дунаемъ и прорѣзывается нѣсколькими глубочайшими оврагами. Навѣстивши въ городѣ стараго сослуживца, морского врача Брандта, и сдѣлавши нѣсколько закупокъ, мы возвратились на румынскій берегъ по старому мосту. Дунай въ настоящее время до того обмелѣлъ, что изъ воды показались лапы якорей отъ понтоновъ. Здѣсь, около стараго моста, расположены землянки другой морской команды—съ фрегата „Севастополь“, которою начальствуетъ кап. 1 р. Шмидтъ. Вечеръ прошелъ въ пріятной товарищеской бесѣдѣ въ уютной землянкѣ, гдѣ я затѣмъ отлично выпался послѣ 30-ти верстной верховой экспедиціи. На другое утро я успѣлъ еще побывать въ Зимницѣ: это тѣ-же наши Петрошаны, но лишь съ добавленіемъ нѣсколькихъ каменныхъ домовъ, лавокъ и цирка. Въ остальномъ Зимница пожалуй уступить даже въ привлекательности нашей резиденціи, такъ какъ растительности здѣсь меньше, а грязи—гораздо больше. Позавтракавъ у гостепріимныхъ обитателей землянки, я отправился въ обратный путь на своемъ „Туркѣ“, и уже чрезъ 2 $\frac{1}{2}$ часа прибылъ въ наши Петрошаны.

24 октября. Сегодня дежурилъ я по экипажу. Чрезъ Петрошаны провезли плѣннаго пашу Мехметъ-авзи съ его адъютантомъ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ получилъ сегодня отъ Румынскаго князя Карла учрежденный имъ орденъ „Звѣзды Румыніи“ за наводку моста у Турна-Магурелли. Чрезъ Великаго Князя узнали мы о побѣдѣ, одержанной на Кавказѣ соединенными силами генераловъ Геймана и Тергукасова надъ Измаиломъ-пашей: наши войска преслѣдовали турокъ по пятамъ и находятся уже въ 18-ти верстахъ отъ Эрзерума. Другое, но прискорбное извѣстіе, полученное сегодня—кончина командира стрѣлковъ Его Величества флиг.-ад. Эбелинга, котораго еще такъ недавно мы привѣтствовали во главѣ его батальона. Онъ былъ раненъ въ ногу при Горномъ Дубнякѣ и умеръ послѣ

ампутациі. Племяннику его, мичману нашего экипажа А. А. Эбелингу разрѣшено изъ главной квартиры сопровождать тѣло покойнаго до Петербурга.

25 октября. Погода сегодня ясная и теплая. Пользуясь этимъ, многіе у насъ, и я въ томъ числѣ, поѣхали верхами къ Дунаю и по новому понтонному мосту переѣхали на Батинъ. Работы здѣсь замѣтно приближаются къ концу: шоссе на островъ почти готово, свайный мостъ тоже быстро подвигается и на дняхъ останется только навести послѣдніе понтоны и тогда сообщеніе съ турецкимъ берегомъ будетъ открыто. Обѣдалъ сегодня по приглашенію у Великаго Князя. Слышалъ здѣсь, что минный катеръ лейтенанта Берхмана наконецъ двинулся къ рукаву Дуная (Веде); чрезъ этотъ послѣдній сооружена дамба, по которой катеръ перетащатъ на ту сторону и затѣмъ дальнѣйшее движеніе его по шоссеиному пути до Дуная уже не представитъ затрудненій. Въ помощники къ лейт. Берхману назначень гардемаринъ кн. Н. А. Дондуковъ-Корсаковъ.

28 октября. Сегодня была моя очередь находиться на мостовыхъ работахъ съ ротой Его Высочества. Туманъ съ ранняго утра былъ непроницаемый и держался весь день, такъ что работа шла довольно вяло. Только къ вечеру прояснилось и можно было полюбоваться на весьма эффектную картину: между островомъ Батинымъ и берегомъ вытянулся въ струнку новый понтонный мостъ, весь съ иголочки. Вдоль берега стоятъ миноносные катера и двухтрубный пароходъ „Аннэтъ“, недавно сюда прибывшій. Выше по берегу виднѣются бараки катерной команды и офицеровъ, нѣсколько улучшенные въ виду предстоящей зимы: ихъ обложили снаружи слоемъ земли, а внутри снабдили печами. Здѣсь, гдѣ еще такъ недавно происходили атаки турецкихъ мониторовъ нашими лихими моряками и подъ непріятельскимъ огнемъ ставились минныя загражденія, теперь вполне упрочилось наше господство на этой переправѣ и описанную мною картину можно по справедливости озаглавить: „Русскій Дунай“.

1 ноября. Послѣ завтрака, часу въ 3-мъ вдругъ пробили тревогу, и наши роты вскорѣ были уже въ сборѣ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ только что получилъ письменное извѣщеніе отъ корнета съ береговыхъ постовъ, что турки готовятъ переправу между Слободзеей и Малу Дежосъ. Три наши роты со знаменемъ и музыкой быстро выступили изъ Петрошанъ подъ командой флигель-адъютанта Головачева. Великій Князь тоже поскакалъ туда со своей свитой. За отрядомъ вы-

ѣхали патронные ящики и лазаретныя фуры. Рота Его Высочества отряжена была къ мосту, чтобы при надобности защищать его вмѣстѣ съ понтонерами и саперами. Внизъ по Дунаю отправленъ былъ катеръ, чтобы воспрепятствовать переправѣ турокъ. Столь быстрыя распоряженія оказали свое дѣйствіе, и турки не осуществили своего намѣренія: дѣло ограничилось нѣсколькими залпами пѣхоты, подоспѣвшей изъ Слободзеи. Говорятъ, что къ нашему берегу подходитъ турецкій пароходъ съ нѣсколькими лодками, но на высадку не рѣшился. Весь этотъ эпизодъ обнаружилъ однако расположеніе турокъ пользоваться начавшимися теперь густыми осенними туманами для подобныхъ попытокъ, имѣющихъ цѣлью главнымъ образомъ захватъ провіанта. Не такъ давно подобная же неудачная попытка ихъ угнать нѣсколько быковъ съ нашего берега имѣла послѣдствіемъ захватъ въ плѣнъ турецкаго офицера и нѣсколькихъ солдатъ.

6 ноября. Пользуясь прекрасною солнечною погодой, я отправился верхомъ на своемъ „Туркѣ“ вмѣстѣ съ мичманомъ Аренсомъ и юнкеромъ флота Слингеромъ кавалькадою на островъ Батинъ. Когда мы подъѣзжали къ Дунаю, миноносный катеръ лейт. Берхмана, спущенный, наконецъ, на воду, развелъ пары и пошелъ на пробу машины; онъ очень красивъ на водѣ, только носъ немного загруженъ. Со вчерашняго дня открыто движеніе по мостамъ Батинской переправы, послѣ торжественнаго освященія мостовъ съ молебствіемъ, при которомъ присутствовалъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Начальникомъ всей переправы назначенъ флигель-адъютантъ Головачевъ; въ его распоряженіи находятся, кромѣ насъ, моряковъ, понтоперы, саперы, батальонъ пѣхоты, 4 орудія и полусотня казаковъ, составляющіе прикрытіе мостовъ. Учреждены также постоянные караулы на мостахъ: нашъ—на понтонномъ мосту, и при этомъ караулъ будемъ дежурить мы, младшіе офицеры экипажа, посуточно. Но возвращаясь къ нашей прогулкѣ. Миповавъ мосты, мы поднялись по горной дорогѣ, проведенной зигзагами на высоты турецкаго берега. Здѣсь возведены земляныя укрѣпленія для защиты тѣхъ-де-пона, на нихъ поставлены будутъ орудія. Вершина эта господствуетъ надъ всею окружающею мѣстностью: внутрь страны открывается отсюда живописнѣйшій видъ на гористую Болгарію съ ея волнообразными возвышенностями. Въ другую сторону взоръ прежде всего останавливается на широкомъ, но полуобмелѣвшемъ теперь руслѣ Дуная, которое разстелается на далекое разстояніе, какъ на картѣ: каждая отмель и

островок отчетливо вырисовывается на серебристой поверхности воды. На первом планѣ—островъ Батинъ, прорѣзанный наискось шоссею дорогою, оба моста, свайный и понтонный—все это видно въ мельчайшихъ подробностяхъ, но въ миниатюрѣ: люди—какъ едва замѣтныя точки, постройки—точно работа муравьевъ. Далѣе глазъ провожаетъ теченіе Дуная до острова Мечки, гдѣ теченіе поворачиваетъ влѣво, а по ту сторону рѣки безпредѣльно разстилается румынская равнина, гдѣ мѣстами сверкаютъ полосы воды—рукавовъ Дуная, и бѣлѣютъ дымки деревень. Мы долго любовались этимъ красивымъ и обширѣйшимъ видомъ. Невольно удивляешься каждый разъ, какъ побываешь на турецкомъ берегу, какъ посчастливилась намъ переправа черезъ Дунай у Систова, когда турки имѣли возможность слѣдить за каждымъ нашимъ движеніемъ на румынскомъ берегу и когда при томъ весь турецкій берегъ могъ, при своей гористости, представить для насъ непреступныя твердыни. По пути мы навѣстили нашихъ „островитянъ“, лейтенанта Астромова и его помощниковъ. Сегодня день весьма знаменательный для командира миннаго катера „Шутка“ мичмана *Θ. Θ. Стеммана*: онъ побывалъ подъ довольно сильнымъ турецкимъ огнемъ. Возвращаясь рано утромъ съ дежурства у миннаго загражденія, онъ прошелъ на своемъ миноносцѣ между островомъ Динилу и турецкимъ берегомъ, впереди линіи нашихъ форпостовъ, для производства промѣра. Но не успѣлъ онъ кинуть лотъ, какъ замѣтилъ турокъ, которые бѣгомъ направлялись къ берегу и, подпустивъ его подъ выстрѣлы, открыли по катеру сильный ружейный огонь. *Θ. Θ. Стемманъ* повернулъ назадъ, но 6 или 7 залповъ успѣли просвистать надъ его головой и нѣсколько пуль зашипѣли въ водѣ у самого борта „Шутки“, не причинивъ однако вреда никому. Новость дня—это возвращеніе на Дунай ѣздившаго въ отпускъ въ Россію героя переправы кап. 1 р. *М. Д. Новикова*. У насъ этому обрадовались, надѣясь, что онъ снова призоветъ насъ, моряковъ, къ болѣе дѣятельной боевой роли. Модестъ Дмитріевичъ проѣхалъ теперь въ Каларашъ, гдѣ, какъ слышно, предполагается серьезное дѣло противъ турокъ: они въ числѣ 300 человекъ заняли редутъ на румынскомъ берегу и опять навели тамъ свой мостъ. Соединенными силами моряковъ и сухопутныхъ войскъ надѣются ихъ выгнать изъ этого редута, а мостъ—сжечь. Если это дѣло увѣнчается успѣхомъ, то Новиковъ, говорятъ, намѣренъ совершить двѣ экспедиціи: одну противъ Руцукъ, гдѣ стоятъ турецкій мониторъ и пароходы, и другую—противъ Виддина. При этихъ экспедиціяхъ Новиковъ очень рассчитываетъ на „Шутку“ (она

только-что приведена въ боевой видъ: снабжена блиндажемъ и носовою миною) и на миноносецъ лейт. Берхмана, получившій названіе „Касатка“.

9 ноября. Третьяго дня смѣнилъ я мичмана Аренса съ дежурства по мостовому караулу и провелъ сутки у Дуная, по большей части у самаго моста, гдѣ приходилось осматривать билеты проѣзжающихъ и исполнять другія обязанности полицейскаго характера. Къ счастью погода была ясная, а иначе оставаться большую часть сутокъ безъ пристанища было бы тяжело. Со временемъ будетъ выстроены для дежурнаго офицера домики около моста, а покамѣстъ мы заходимъ отдохнуть и пообѣдать въ баракъ катерныхъ офицеровъ, который уже устроенъ вполне по зимнему и отопляется двумя желѣзными печами.

7-го ноября утромъ прибылъ въ Петропаны Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ радостнымъ извѣстіемъ съ Кавказа о взятіи Карса штурмомъ послѣ 12-ти часового боя. По приказу Цесаревича телеграмма эта прочитана была во всѣхъ частяхъ войскъ и произведены были салюты изъ орудій. Вѣроятно причина этихъ радостныхъ демонстрацій не осталась безызвѣстною и Рушукскимъ туркамъ, которые съ досады хотѣли сдѣлать намъ хотя маленькую отплату. Къ Великому Князю Владиміру Александровичу, оставшемуся завтракать въ Петропанахъ, прибылъ казакъ, а за нимъ другой и третій съ извѣстіемъ, что завязалось довольно горячее дѣло у Пиргоса. Находясь на мосту на дежурствѣ, я могъ ясно слышать грохотъ орудій и видѣть густое облако дыма, поднимавшееся надъ горами, ниже по Дунаю. Великій Князь Владиміръ Александровичъ вскорѣ проѣхалъ на тотъ берегъ, при чемъ я вызывалъ ему караулъ, а вскорѣ за нимъ проѣхалъ туда же Великій Князь Алексѣй Александровичъ въ сопровожденіи князя Я. И. Шаховскаго. Онъ проѣдетъ чрезъ Бѣлу въ главную квартиру Государя, который его экстренно вызвалъ. О причинѣ этой поѣздки ходятъ у насъ самыя разнорѣчивыя слухи: предполагаютъ, что она касается дальнѣйшихъ судебъ Гвардейскаго экипажа. Офицерство наше продолжаетъ мечтать объ экспедиціи по Дунаю на катерахъ къ Рущуку и это служить у насъ излюбленною темой для разговоровъ.

Ночь на дежурствѣ провелъ я почти безъ сна, такъ какъ легъ не раздѣваясь и при полной амуниціи. Къ тому-же я нѣсколько разъ за ночь выходилъ провѣрять часовыхъ: ночь была совершенно свѣтлая, лунная и морозная. Къ утру все покрылось бѣлымъ, пушистымъ инеемъ и часовъ до 10-ти стоялъ

густой туманъ. Съ утра движеніе по мосту очень оживилось. Первое, что везуть на тотъ берегъ съ открытія переправы, это большіе транспорты капусты; проходятъ интендантскіе обозы, подводъ по 300 и болѣе. Въ 2 ч. смѣнилъ меня съ дежурства мичманъ Н. Н. Качаловъ. Приведя караулъ въ Петрошаны, я съ наслажденіемъ напился чаю въ своей хатѣ и провелъ вечеръ въ пріятной бесѣдѣ съ мичманомъ кн. Барятинскимъ и его гостемъ, уполномоченнымъ Краснаго Креста въ Путинеяхъ, г. Багговутомъ. Онъ здѣсь проѣздомъ и повидимому съ большею любовью относится къ своему дѣлу, на которое затратилъ не мало собственныхъ средствъ.

Вчерашній день, 8-го, былъ безпокойный: ожидалась у насъ тревога, такъ какъ флиг.-ад. Головачеву дали знать изъ Малу-Дежосъ, что у острова Дина показался турецкій пароходъ подъ парами съ многочисленными лодками на буксирѣ, на которыхъ повидимому находился десантъ. Здѣшнимъ катерамъ приказано было тотчасъ развести пары и до полуночи офицеры не ложились, ожидая тревоги съ минуты на минуту. Но все обошлось спокойно.

Еще вчера пришли подробныя извѣстія о молодецкомъ взятіи Карса: всѣ форты этой неприступной крѣпости не устояли предъ геройскими приступами нашихъ чудныхъ солдатъ. Въ плѣнъ взято нами 10.000 турокъ и кромѣ того 14.000 раненыхъ и больныхъ въ госпиталяхъ. Орудій взято 300, въ томъ числѣ много Крупновскихъ, которыми пополнено было вооруженіе Карса въ эту войну. Надо полагать, что англичане теперь придержать свою мошну, изъ которой турки до сихъ поръ такъ свободно черпали золото на свои военныя издержки. Взятіе Карса докажетъ Европѣ, какіе успѣхи сдѣлала наша армія въ нынѣшнее царствованіе. Муравьевъ штурмовалъ Карсъ безуспѣшно, при чемъ потерялъ тогда 8.000 человѣкъ, и могъ овладѣть этою крѣпостью только посредствомъ голода, а теперь наши войска берутъ ее штурмомъ и съ потерей лишь 2 $\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ.

Послѣ этого славнаго для насъ боеваго подвига приходится упомянуть сегодня о неудачномъ для насъ дѣлѣ, имѣвшемъ мѣсто третьяго дня у Пиргоса. На нашу цѣпь, состоящую изъ пѣхоты и Ахтырскихъ гусаръ, среди бѣла дня совершенно неожиданно напали врасплохъ черкесы и обратили ее въ бѣгство. При этомъ цѣпь, отступивши за Пиргосъ, гдѣ находился нашъ резервъ, не дала знать туда о внезапномъ нападеніи. Турки сильно пощипали этотъ резервъ и сожгли до тла Пиргосъ и находившіеся тамъ наши запасы

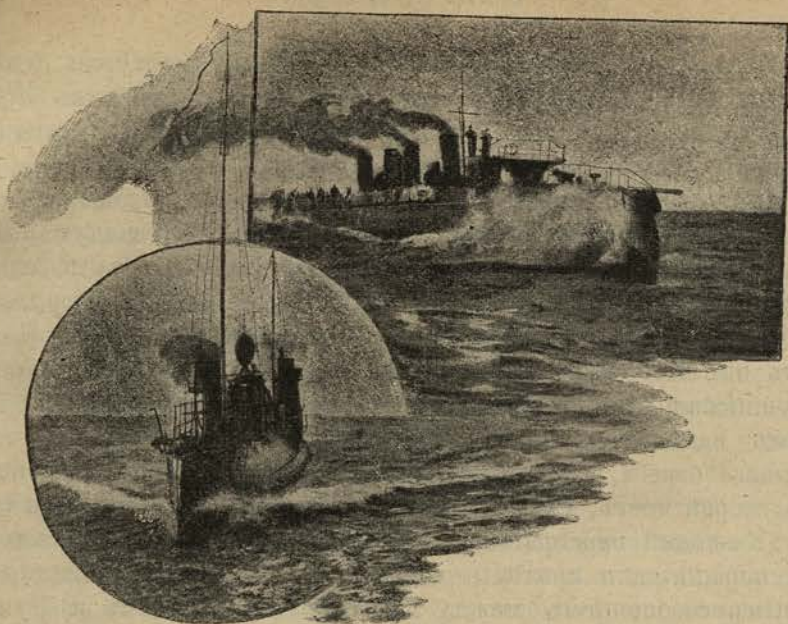
фуража. Только лишь послѣ артиллерійскаго боя удалось намъ отогнать турокъ на старыя позиціи. Черкесы вообще сильно вредятъ нашимъ форпостамъ и, говорятъ, не проходятъ ночи, чтобы они не вырѣзали нѣсколько нашихъ пикетовъ.

Сегодня въ нашей каютъ-компаніи разыгрывалась маленькая безпроигрышная лотерея: выигрышами были различныя теплыя вещи и табакъ, присланные Императрицей отряду Гвардейскаго экипажа; на мою долю выпала сотня папиросъ и теплый шарфъ.

Юрій Арсеньевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ пережитаго.

Дневникъ моряка на Дунаѣ и въ сухопутномъ походѣ за Балканы.

(1877—1878 гг.).

(Продолженіе; см. № 9).

13 ноября. Среди дня смѣнился я съ караула на Батинскомъ мосту. Великій Князь Алексѣй Александровичъ, вернувшійся на-дняхъ изъ главной квартиры, опять уѣхалъ вчера въ Браиловъ и другія морскія станціи нижняго Дуная. Получено извѣстіе о взятіи Раховы на Дунаѣ румынами и о взрывѣ турецкаго монитора румынскими же батареями. Въ баракѣ катерныхъ офицеровъ, гдѣ я провелъ часть дежурства, видѣлъ я пріѣхавшаго сюда лейтенанта Фридрихса, который постоянно находится въ Рушукскомъ отрядѣ Цесаревича, завѣдуя батареями шведскихъ дальнобойныхъ орудій Энгстрема (вѣсъ орудія съ лафетомъ 25 пуд. всего), малокалиберныхъ, а также разрывными ракетами. Эти послѣднія онъ очень удачно испробовалъ недавно на турецкомъ лагерѣ, стоявшемъ на берегу р. Лома. Ракета, пущенная Фридрихсомъ неожиданно въ самый лагерь

этотъ, произвела тамъ невообразимую панику, и турки немедленно удалились оттуда. Теперь Фридрихсъ поѣдетъ въ Журжево, чтобы оттуда выпустить ракету на Рушукскій мониторъ съ хорошо знакомаго намъ острова Чуроя.

16 ноября. Вчера возвратился я въ Петрошаны, совершивъ поѣздку верхомъ на своемъ „Туркѣ“ въ главную квартиру наслѣдника Цесаревича, Брестовецъ, гдѣ я желалъ навѣстить моего дядю, флигель-адъютанта князя Н. С. Долгорукаго, о болѣзни котораго я узналъ отъ лейтенанта Фридрихса. Я выѣхалъ изъ Петрошанъ 14-го утромъ. Солнце только что взошло и Дунайская равнина освѣщалась еще тѣмъ полусвѣтомъ, которымъ начинается обыкновенно осеннее облачное утро. До турецкаго берега я проѣхалъ хорошо знакомою дорогою и, миновавъ второй мостъ, слѣдовалъ далѣе берегомъ до такъ называемой „Казацкой переправы“: до постройки Батинскихъ мостовъ сюда переплывали понтоны, служа въ то время единственнымъ прямымъ сообщеніемъ между Рушукскимъ отрядомъ и Румыніей. Переправа эта, теперь упраздненная, защищается батареей, которая продолжаетъ и теперь служить защитой Батинскихъ мостовъ на случай нападенія турокъ по берегу. Противъ Казацкой переправы скалистые горныя возвышенности раздѣляются глубокою балкою, по которой протекаетъ ручей. Когда-то дикая балка теперь представляетъ очень оживленный видъ. Оба склона горъ усыяны многочисленными землянками, напоминающими жилища кротовъ. Это—солдатики одного изъ полковъ 33-й пѣхотной дивизіи и осаднаго парка устроились здѣсь на зимовку. Землянки эти имѣютъ узкіе входы, завѣшанные палатками, изъ отверстія въ земляномъ потолкѣ валить бѣлый дымокъ незапѣливой печи. Подъ навѣсомъ изъ тростника варятся въ котелкахъ щи и каша. Прибавьте къ этому нѣсколько конюшенъ, устроенныхъ также изъ тростника, и полковой обозъ, стоящій въ полной готовности двинуться по первому сигналу. Будь этотъ городокъ изъ земли и тростника на открытомъ мѣстѣ, его разметалъ бы первый свѣжій вѣтеръ, а здѣсь, въ глубинѣ балки онъ вполне укрытъ отъ зимнихъ бурь. Изъ балки саперная дорога, по которой я ѣхалъ, поднимается довольно круто въ гору и далѣе проходитъ по волнообразной горной возвышенности, постепенно возвышающейся по мѣрѣ удаленія отъ Дуная. Во всѣ стороны виднѣются очертанія горъ: чѣмъ далѣе, тѣмъ синѣе и туманнѣе кажутся онѣ; а ближайшіе горные планы имѣютъ однообразный желтый оттѣнокъ отъ выгорѣвшей растительности. Кое-гдѣ мелькаютъ группы дубовъ и кустар-

никъ, еще сохранившихъ свою пожелтѣвшую листву. Пейзажъ этотъ ничѣмъ не оживляется: можно проѣхать верстъ десять въ совершенномъ одиночествѣ, развѣ проскачетъ казакъ, или попадется полковая повозка съ фуражемъ. Наконецъ, подъѣзжая къ большой болгарской деревнѣ Яли-Абланова, раскинувшейся по склонамъ глубокой балки, я встрѣтилъ стадо овецъ въ нѣсколько сотъ головъ. Пастухи-болгаре при моемъ приближеніи снимали свои мѣховыя шапки и привѣтствовали меня словомъ „здравствуй“. Такая учтивость къ военнымъ стала очень обычна теперь между болгарами, но представляетъ ли она доказательство особенной ихъ пріязни къ намъ, это еще большой вопросъ. На окраинѣ этого селенія я проѣхалъ два кладбища: одно изъ нихъ—болгарское, съ многочисленными надгробными камнями, представляющими какъ-бы робкое очертаніе крестовъ, и между ними уже немало и нашихъ русскихъ свѣжихъ могилъ съ деревянными осьмиконечными крестами. Сколько такихъ *русскихъ* крестовъ останется послѣ войны на многихъ кладбищахъ Болгаріи! Другое кладбище, рядомъ съ первымъ,—турецкое, теперь заброшенное; здѣсь множество столбовидныхъ памятниковъ, украшенныхъ чалмами, бѣльшая часть ихъ разбита, другіе вырыты и увезены. Вернутся ли сюда когда-нибудь турки, чтобы возстановить эти могилы, или же имъ суждено безслѣдно исчезнуть вмѣстѣ съ турецкимъ господствомъ въ Болгаріи?

Вскорѣ за Аблановымъ дорога опускается въ узкую горную долину и идетъ по ней извилинами до самого Брестовца, т. е. на протяженіи почти 15-ти верстъ. Мѣстность здѣсь дикая и непривѣтливая: по крутизнамъ спускаются заросли мелколѣсья, съ котораго поздняя осень уже сорвала листву. Иногда встрѣчаются горныя пещеры, въ которыхъ поселились теперь стаи одичавшихъ собакъ изъ разоренныхъ деревень. Если бы не тонкіе шесты полевого телеграфа, который слѣдуетъ по направленію долины, то можно было бы усумниться въ близости какого-нибудь жилья. На одномъ изъ поворотовъ дороги меня неожиданно опередили два скачущихъ казака, и я едва успѣлъ оглянуться назадъ, какъ увидалъ Великаго Князя Владиміра Александровича со свитою, верхами. Ихъ сопровождалъ конвой изъ кубанцевъ и подвижная цѣпь казаковъ, скакавшая по сторонамъ съ пиками на-руку. Великій Князь милостиво отвѣтилъ на мой поклонъ и поинтересовался, куда я ѣду: мой видъ моряка-кавалериста видимо возбудилъ въ свитѣ Великаго Князя нѣкоторое любопытство. Дальнѣйшій путь мой до Брестовца уже не представлялъ для меня затрудненій, такъ какъ я могъ

слѣдовать за блестящею кавалькадою, направлявшеюся туда-же. Я узналъ, что Великій Князь ѣхалъ въ Брестовецъ къ праздничному богослуженію по случаю дня рожденія Государыни Цесаревны. Брестовецъ—довольно большое селеніе, но немало пострадавшее за время войны: пока здѣсь были турки, они уничтожали всю собственность болгаръ и разрушали ихъ дома, а послѣ занятія этой мѣстности русскими, болгаре вымещали свои убытки на турецкихъ домахъ,—въ результатъ все село превратилось въ жалкія развалины. Здѣсь не оказалось почти ни одной цѣльной хижины и главная квартира Цесаревича нашла здѣсь очень мало удобствъ для своего размѣщенія. Надъ скромнымъ домикомъ, занимаемымъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, развѣвается его флагъ. Въ сосѣднихъ домахъ, типа двухъэтажныхъ турецкихъ хижинъ, помѣщаются лица свиты. Въ одномъ изъ нихъ я разыскалъ кн. Н. С. Долгорукаго, котораго засталъ прикованнаго къ постели тяжелою болгарскою лихорадкой и очень ослабѣвшимъ отъ болѣзни. Несмотря на тѣсноту помѣщенія, нашелся здѣсь для меня уголокъ: меня гостепріимно пріютилъ въ своей комнаткѣ, рядомъ съ дядей, генералъ-маіоръ свиты Государя, князь Петръ Витгенштейнъ. Онъ оказался большимъ любителемъ морского дѣла и много плавалъ на собственной яхтѣ въ Средиземномъ морѣ. Такимъ образомъ я совершенно неожиданно встрѣтился здѣсь съ лицомъ, живо интересующимся морскими вопросами.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ главную квартиру, я являлся начальнику штаба отряда Цесаревича, генералъ-лейтенанту Вановскому, при чемъ нѣсколько ознакомился съ живописнымъ мѣстоположеніемъ Брестовца. На одной изъ улицъ селенія, близъ сельской церкви я встрѣтилъ блестящее шествіе, направлявшееся послѣ обѣдни къ дому Цесаревича на праздничный завтракъ. Во главѣ шествія находился самъ Цесаревичъ и Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, свита ихъ и всѣ корпусные и дивизіонные генералы отряда, собравшіеся для принесенія поздравленій. Послѣ пасмурнаго утра проглянуло солнце и эффектная картина имѣла вполне праздничный видъ. Кто могъ подумать, что этотъ проглянувшій было солнечный лучъ быстро скроется за мрачною тучей... Праздничный характеръ дня рѣзко измѣнился на боевой. Часу въ 3-мъ дня, когда я сидѣлъ у больного дяди, къ нему пришли генералъ-адъютантъ Стюрлеръ и кн. Витгенштейнъ съ важными извѣстіями. Они рассказали, что праздничный завтракъ у Цесаревича былъ прерванъ извѣстіемъ о начавшемся

общемъ наступленіи турокъ по всей линіи, отъ Мечки до Кацелева. Главныя силы непріятеля направлены на Третникъ, откуда только наканунѣ была переведена часть войскъ въ 13-й корпусъ. Великій Князь Владиміръ и остальные генералы немедленно поспѣшили къ своимъ частямъ. Раздававшаяся сильная канонада подтверждала важность завязавшагося боя.

Часовъ въ 8 вечера, послѣ обѣда, Наслѣдникъ Цесаревичъ самъ пришелъ навѣстить больного кн. Н. С. Долгорукаго въ его хатѣ. Еще не приходилось мнѣ видѣть Цесаревича, командующаго Русукскимъ отрядомъ, въ которомъ и мы теперь стоимъ, столь близко, какъ въ этотъ разъ, за время войны. Цесаревичъ вошелъ, слегка наклонившись, чрезъ низкую дверь хаты и, поздоровавшись съ больнымъ, разспросилъ его подробно о состояніи его здоровья. Дядя представилъ меня Цесаревичу, при чемъ я удостоился отъ него нѣсколькихъ милостивыхъ вопросовъ о моихъ морскихъ плаваніяхъ на „Свѣтланѣ“. Просидѣвъ около получаса у постели больного, Цесаревичъ говорилъ между прочимъ о происходившемъ съ утра наступленіи турокъ на Мечку и Третникъ весьма значительными силами. Подробныхъ извѣстій объ окончательномъ исходѣ дневного боя еще не получалось, хотя дѣло и приняло для насъ повидимому благоприятный оборотъ; эта неизвѣстность озабочивала Цесаревича: онъ опасался значительныхъ потерь съ нашей стороны. Опасеніе это оказалось, къ сожалѣнію, справедливымъ: князь Витгенштейнъ, возвратившись въ нашу хату отъ ужина, часовъ въ 10 вечера, сообщилъ, что Цесаревичъ только-что получилъ депешу отъ Великаго Князя Владиміра Александровича такого содержанія: „Поздравляю тебя съ новою побѣдой. Наша потеря довольно значительная, услуги Краснаго Креста были бы крайне необходимы“. По словамъ князя, депеша эта, весьма неполная, вовсе не обрадовала Цесаревича, а напротивъ, скорѣе разстроила его. Дѣйствительно, если побѣда заключалась только въ удержаніи нашихъ позицій (какъ это часто бывало раньше), то значительная потеря ничѣмъ не окупается.

На слѣдующее утро я простился съ дядей и отправился въ обратный путь, при чемъ онъ далъ мнѣ въ провожатые своего денщика, болгарина, хорошо знакомаго съ мѣстностью; предосторожность эта была не излишнею, такъ какъ на дворѣ было ненастье, шелъ мокрый снѣгъ при пронзительномъ холодномъ вѣтрѣ, и я легко могъ бы сбиться съ дороги. Болгаринъ Иванъ оказался очень интереснымъ субъектомъ: онъ родомъ изъ Силистріи, воспитывался въ Россіи, гдѣ учился въ гимназій, за-

тѣмъ поступилъ въ вольноопредѣляющіеся и былъ волонтеромъ въ Сербіи. Проѣхавъ Абланову, я отпустилъ его и въ 2 ч. дня былъ уже въ Петрошанахъ. Здѣсь я дополнилъ вчерашнія впечатлѣнія о дѣлѣ 14-го изъ разсказовъ нашихъ моряковъ. Съ моста можно было, говорятъ, вполне различать движенія турецкихъ наступательныхъ колоннъ у Мечки. Въ перестрѣлкѣ съ нашей стороны приняла участіе Парапанская батарея. Разсказываютъ, что она едва было не угодила гранатою въ самого Сулеймана-пашу, который ѣхалъ по берегу со свитою, лично распоряжаясь ходомъ боя. У Третника потеря наша, какъ слышно, доходить до 400 человекъ убитыми и ранеными, хотя войска наши отчасти скрыты были въ ложементахъ. У турокъ, конечно, потери гораздо значительнѣе и немало взято нами въ плѣнъ. Непріятель былъ отраженъ нами по всей линіи и даже преслѣдовался нашими къ Руцукъ. Наши катерные матросы, находившіеся на берегу около Мечки, при помощи казаковъ взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ раненыхъ турокъ.

17 ноября. Съ вчерашняго дня опять дежурилъ на мосту. Изъ Петербурга прибыло вчера пополненіе въ нашъ экипажъ въ числѣ 100 чел. при лейтенантахъ М. Г. Веселаго и М. Д. Клокачевъ. Кап. 2 р. Новосильскій отправился сегодня съ лейт. Фридрихсомъ на линію нашихъ форпостовъ: оттуда они предполагаютъ выпустить разрывныя ракеты на турецкія суда, стоящія у верхней оконечности острова Голѣ.

19 ноября. У насъ стали извѣстны еще нѣкоторыя подробности о дѣлѣ 14-го. Великій Князь Владиміръ Александровичъ за это дѣло награжденъ Георгіемъ 3-й степени. Наслѣдникъ Цесаревичъ объявилъ объ этомъ 12-му корпусу депешей, кончающейся словами: „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ“. Войскамъ корпуса прислано 150 Георгіевскихъ солдатскихъ крестовъ. Разсказываютъ, что Сулейманъ-паша въ этотъ разъ опять прибѣгъ къ своему излюбленному способу, уже примѣнявшемуся имъ подъ Шипкою, для возбужденія своихъ солдатъ: передъ атакою онъ подбодрилъ ихъ виномъ и наэлектризовалъ еще ложнымъ извѣстіемъ, будто штурмъ нашихъ войскъ на Карсъ былъ блистательно отбитъ. Турки въ азартѣ полѣзли на нашихъ очень стремительно: мы подпустили ихъ сажень на сто и тутъ начали потчевать сильнѣйшимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Турки дрогнули и обратились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ на мѣстѣ около 2-хъ тысячъ убитыми и ранеными. Говорятъ, столько же попало въ плѣнъ. Наша потеря по послѣднимъ извѣстіямъ превышаетъ, кажется, 500 человекъ.

Еще вчера вернулись изъ своей экспедиціи съ пироксенлиновыми ракетами к. 2 р. П. П. Новосильскій и лейт. Фридрихъ. Они выпустили съ румынскаго берега 12 ракетъ, цѣлясь по рангоуту (мачтамъ) турецкихъ судовъ, которыя стоятъ за островомъ Голе, но, кажется, безрезультатно. Въ отвѣтъ на эту попытку, съ турецкой стороны отвѣтили огнемъ береговья батарей и сторожевая цѣпь.

23 ноября. Мѣстная новость у насъ—это быстро подвигающаяся впередъ постройка желѣзнодорожной вѣтви, которая соединить наши Петрошаны со ст. Фратешти. Сегодня я ѣздилъ верхомъ до деревни Гаужанъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что строящійся путь уже близко подошелъ къ намъ. Дѣйствительно, до самого села Петрицъ, т. е. въ разстояніи какихъ-нибудь 3-хъ верстъ отъ насъ, путь уже совершенно готовъ, на немъ стоятъ даже товарные вагоны, служащіе пока жильемъ для рабочихъ. Отсюда начинается вѣтвь, еще строящаяся, которая пройдетъ къ самому Батинскому мосту. Итакъ, чрезъ какія-нибудь двѣ недѣли значеніе Петрошанъ, уже поднявшееся со времени окончанія моста чрезъ Дунай, еще увеличится. Недавно еще заурядное селеніе превратится въ городокъ, по примѣру Зимницы. И сейчасъ уже трудно узнать тѣ Петрошаны, въ которыя мы вступали два мѣсяца тому назадъ. Главная улица села, сlying у насъ „Невскимъ проспектомъ“, съ тѣхъ поръ успѣла украситься множествомъ лавокъ, шинковъ и другихъ полезныхъ учрежденій съ заманчивыми вывѣсками на трехъ языкахъ: румынскомъ, русскомъ и еврейскомъ. Все село теперь кишмя кишитъ жидами, которые безпрестанно лѣзутъ даже въ наши хаты, навязчиво предлагая купить у нихъ какую-нибудь дрянъ. Съ открытіемъ Батинской переправы все болѣе увеличивается здѣсь движеніе значительныхъ обозовъ и проѣзжающихъ. Наконецъ, немало появилось здѣсь также рабочихъ, строящихъ новую дорогу: это по большей части итальянцы, нѣмцы и венгерцы.

Сегодня дошла до насъ весьма важная депеша о серьезномъ дѣлѣ, завязавшемся на правомъ флангѣ, въ окрестностяхъ Елены. Бригада князя Святополкъ-Мирскаго у Марены окружена съ трехъ сторонъ превосходными силами турокъ. Къ нему посланы подкрѣпленія изъ Тырнова и Габрова; телеграфное сообщеніе съ нимъ прервано. Наконецъ, вчера часть корпуса кн. Дондукова-Корсакова выступила къ Мирскому на помощь.

25 ноября. Сегодня смѣнился я съ особенно утомительнаго дежурства на мосту: всю ночь ревѣлъ свѣжій NO, нагнав-

шій въ Дунаѣ очень большую воду. При этомъ на рѣкѣ развело значительное волненіе, такъ что едва не заливало понтоны. Всю ночь пришлось мнѣ пробывать безотлучно у моста въ нетопленной караулкѣ, чтобы быть наготовѣ для принятія необходимыхъ предупредительныхъ мѣръ. Рано утромъ пришелъ изъ Зимницы мониторъ „Никополь“ и потребовалось развести мостъ, чтобы пропустить его ниже по рѣкѣ. По возвращеніи въ Петрошаны я имѣлъ совершенно неожиданную и пріятную встрѣчу съ только-что пріѣхавшимъ сюда моимъ родственникомъ, уполномоченнымъ Краснаго Креста А. П. Давыдовымъ. Онъ прибылъ въ Петрошаны въ сопровожденіи военного врача съ цѣлью устроить здѣсь на средства Краснаго Креста и военного вѣдомства „кормежный пунктъ“ для раненыхъ изъ Рушукскаго отряда. До сихъ поръ ихъ направляли чрезъ Зимницу, но теперь, когда есть у насъ мостъ и въ скоромъ времени будетъ открыто здѣсь и желѣзнодорожное сообщеніе, раненыхъ этихъ, конечно, будутъ перевозить уже чрезъ Петрошаны, и такой кормежный пунктъ для отдыха и подкрѣпленія раненыхъ горячею пищею будетъ чрезвычайно полезенъ. А. П. Давыдовъ, устроивши пунктъ, намѣренъ самъ поселиться здѣсь, въ качествѣ уполномоченнаго, вмѣстѣ со своимъ медицинскимъ персоналомъ. Я тотчасъ же отправился съ нимъ и лейт. Палтовымъ осматривать командныя землянки нашей роты, по образцу которыхъ, но въ большемъ видѣ, предполагается устроить землянки для раненыхъ. Мѣсто для этихъ послѣднихъ уже намѣчено на возвышеніи, надъ селомъ и вблизи желѣзнодорожной вѣтви. Я пригласилъ А. П. Давыдова переночевать у меня въ хатѣ, а на завтра получилъ разрѣшеніе отъ начальства проводить его въ Брестовець, гдѣ ему необходимо повидаться и переговорить относительно устройства пункта съ генераломъ Ванновскимъ.

27 ноября. Выѣхавъ въ Брестовець вчера рано утромъ, мы успѣли за день совершить эту поѣздку и къ вечеру вернуться въ Петрошаны, хотя возница, нанятый нами здѣсь, везъ насъ очень тихо, ссылаясь на плохую дорогу. Въ Брестовцѣ мы навѣстили князя Н. С. Долгорукаго, который началъ поправляться послѣ перенесенной болѣзни. Отъ него узнали мы прискорбныя подробности о несчастномъ для насъ дѣлѣ у Елены. Потери, понесенныя Мирскимъ, весьма тяжки и заключаются въ 1800 чел. нижнихъ чиновъ, 50-ти офицерахъ и 11-ти орудіяхъ, изъ которыхъ 2 были подбиты, а у остальныхъ убиты были лошади, такъ-что при отступленіи пришлось ихъ бросить. Силы турокъ въ этомъ дѣлѣ доходили до 40 тысячъ и предпола-

гаютъ, что это часть арміи Реуфа-паши, который стремится прорваться къ Тырнову. Если бы ему это удалось, то положеніе наше сдѣлалось бы весьма критическимъ и опаснымъ. Болѣе утѣшительный взглядъ на дѣло у Елены сообщилъ намъ адъютантъ Цесаревича, кн. В. А. Барятинскій; онъ пришелъ къ больному прямо отъ завтрака у Цесаревича, гдѣ толковали объ этомъ немало. Дѣло Мирскаго, хотя и сопряженное съ чувствительною потерей для насъ, не можетъ однако быть названо пораженіемъ. Съ 2-мя полками кн. Мирскій удерживалъ 40-тысячную армію и, дождавшись подкрѣпленій, отбѣснилъ турокъ, а это весьма важный для насъ результатъ, по мнѣнію князя Барятинскаго.

Мы просидѣли въ хатѣ кн. Долгорукаго около часу, при чемъ онъ угостилъ насъ чаемъ. При насъ заходилъ къ нему также художникъ Полѣновъ, состоящій при главной квартирѣ Цесаревича. Онъ показывалъ намъ свои талантливыя эскизы масляными красками, которые онъ дѣлаетъ очень быстро, на ходу, набрасывая ихъ на тонкихъ дощечкахъ, по примѣру французскихъ баталистовъ (напр., извѣстнаго *Neuville*, у котораго Полѣновъ учился). Между этими набросками чрезвычайно живописны виды р. Янтры и окружающихъ горныхъ балокъ; поражаетъ богатство и разнообразіе тоновъ, которыми отличаются эти горные виды. Особенно хороши небольшой набросокъ дальней панорамы снѣжнаго хребта Балканъ при полуденномъ освѣщеніи и на фонѣ ярко голубого неба. Весьма удачны также типы плѣнныхъ турокъ изъ послѣдняго дѣла у Третника.

А. П. Давыдовъ успѣлъ повидаться съ ген. Ванновскимъ и съ нимъ переговорить. Въ началѣ 3-го часа мы уже двинулись въ обратный путь, чтобы успѣть еще засвѣтло добраться хотя бы до Батинскаго моста. Кн. Барятинскій любезно выхлопоталъ намъ для возвращенія интендантскую телѣжку тройкою, такъ-что мы ѣхали назадъ гораздо быстрее. Но на берегу Дуная мы неожиданно наткнулись на препятствіе: мостъ оказался залитымъ сильно поднявшеюся водою и намъ пришлось, бросивъ экипажъ на турецкомъ берегу, перебраться на Батинъ по временно перекинутымъ чрезъ залитую часть моста брусьямъ. Въ это время стало совсѣмъ темнѣть, и мы поспѣшили уже пѣшкомъ пройти остальную часть пути до Петрошанъ, куда мы поспѣли къ самому ужину въ нашей каютъ-компаніи. Здѣсь ожидало меня пріятное извѣстіе, только-что полученное изъ Петербурга по телеграфу, о производствѣ моемъ въ мичманы. Со всѣхъ концовъ нашего длиннаго обѣденнаго стола посыпались по моему

адресу поздравленія и благожеланія старшихъ товарищей офицеровъ. Сегодня утромъ получена депеша отъ Великаго Князя Алексѣя Александровича изъ Бухареста съ приказаніемъ миноносцу „Шуткъ“ въ полномъ боевомъ вооруженіи немедленно отправиться въ Турнъ-Магурелли при лейтенантахъ Ергомышевѣ и баронѣ Энгельгардтѣ. Они будутъ находиться тамъ въ распоряженіи к. 1 р. Новикова, который, кажется, предприметъ экспедицію къ Виддину. Оба наши лейтенанта послѣ обѣда уже совѣмъ собрались въ путь; проводы были самые сердечные. Переночуютъ они у катерныхъ офицеровъ на берегу, а завтра рано утромъ отплывутъ на „Шуткъ“ вверхъ по Дунаю. Вслѣдствіе отъѣзда лейт. Ергомышева, приходится мнѣ, по выбору офицеровъ, замѣнить его въ обязанности содержателя нашей каютъ-компаніи, что соединено, особенно въ военное время, съ немалыми хлопотами.

А. П. Давыдовъ уѣхалъ сегодня въ Путиней, а оттуда въ Бухарестъ, чтобы забрать тамъ все нужное для наискорѣйшаго устройства здѣсь кормежнаго пункта. Ген. Ванновскій уговорился съ нимъ, что когда все будетъ вполне устроено, то онъ начнетъ тотчасъ же отправлять чрезъ Петрошаны транспорты раненыхъ, по сто человѣкъ за разъ; на столько и рассчитанъ устраиваемый пунктъ.

Сегодня выпалъ здѣсь первый снѣжокъ и покрылъ землю, но едва ли этотъ зимній ландшафтъ здѣсь долго продержится. Другая новость дня—это появленіе здѣсь, на нашемъ такъ называемомъ „Невскомъ“ многострадальнаго миноносца лейт. Филисова. Его наконецъ дотащили сюда рутьеры; теперь уже спускъ его на Дунай не заставитъ себя ждать.

28 ноября. День прошелъ бы очень непримѣтно, если бы я сейчасъ (10 ч. вечера) не узналъ совершенно неожиданное радостное извѣстіе, впечатлѣніе котораго трудно передать словами. Радостное чувство, сейчасъ переполняющее душу, не забудется во всю жизнь. „Плевна взята!“—съ этими словами вбѣжалъ ко мнѣ въ хату товарищъ, мичманъ кн. Барятинскій, и мы оба, растроганные до слезъ и взволнованные, кинулись другъ другу въ объятія. Слава Богу! Великое дѣло совершилось, и въ этой радостной вѣсти есть что-то напоминающее Свѣтлый Праздникъ, когда забывается все печальное и тяжелое, что омрачаетъ родъ людской. Дѣйствительно, сколько заботъ, горестей и страданій будетъ облегчено радостнымъ извѣстіемъ о паденіи Плевненскихъ твердынь. Рѣдкое событіе ожидалось съ такимъ напряженнымъ, болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. Завтра, при звонѣ цер-

ковныхъ колоколовъ и пушечной пальбѣ узнаеть вся православная Россія о радостномъ событіи и мигомъ облетитъ благая вѣсть города, села и деревни, и тысячи благодарныхъ молитвъ вознесутся изъ умиленныхъ сердецъ къ Престолу Божію. Узнаеть русскій народъ, что кровь его сыновъ не даромъ обаграла Плевненскіе холмы и не напрасно умирали здѣсь героями тысячи русскихъ людей: кровь эта принесла свои плоды—наконецъ, послѣ тяжелаго періода неудачъ заблистала свѣтлый, незабвенный день. Благое дѣло освобожденія Болгаріи наконецъ восторжествовало!

Радостное извѣстіе получено у насъ изъ Брестовца: это телеграмма, посланная сегодня въ 7 ч. 50 м. вечера Государемъ Императоромъ Наслѣднику Цесаревичу. Вотъ ея текстъ:

„Ура! побѣда полная. Османъ-паша сегодня утромъ пытался прорваться чрезъ наши линіи на Виддинской дорогѣ, но былъ отброшенъ Гренадерами обратно къ Плевнѣ, уже занятой нашими войсками, и принужденъ сдаться со всею арміею. Ты поймешь и раздѣлишь Мою радость и благодарность Богу. Сообщи Владимиру и Алексѣю.

Александръ“.

Телеграмма эта доставлена была казакомъ съ того берега начальнику переправы флиг.-ад. Головачеву, который находился въ это время у нашихъ „островитянъ“. Казакъ этотъ прискакалъ въ карьеръ и безъ сѣдла; его тутъ-же угостили виномъ, давали денегъ и обласкали. Гардемаринъ кн. Дондуковъ немедленно поскакалъ по порученію Головачева къ намъ сюда съ депешей; здѣсь тотчасъ же пробили сборъ и командъ, высыпавшей изъ землянокъ, кто въ чемъ былъ, прочли радостную вѣсть. Громкіе, долго неумолкавшіе клики „ура“ раздались на все село. Офицерство собралось въ каютъ-компаніи подѣлиться общою радостью, появилось шампанское и съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ провозглашены были тосты: за Государя Императора, за Великаго Князя Главнокомандующаго, за побѣдоносную русскую Армію, за Гвардію, Гренадеръ и т. д. Такъ окончился у насъ этотъ знаменательный день.

29 ноября. Поднялись мы сегодня рано по тревогѣ, которая оказалась примѣрной: экипажъ въ полномъ составѣ выступилъ къ Дунаю, гдѣ мы и пробыли все утро. Офицерство собралось у „островитянъ“. Общее настроеніе у всѣхъ, послѣ вчерашняго радостнаго извѣстья, самое веселое: только и разговоровъ, что объ Османѣ и о предстоящемъ теперь переходѣ

наших побѣдоносныхъ войскъ чрезъ Балканы. Оживленные разговоры наши прерывались хоровымъ пѣніемъ, которое очень вошло у насъ въ обычай. Особенною популярностью при этомъ пользуется пѣсня, въ которой о каждомъ офицерѣ экипажа сочинена прибаутка; въ пѣснѣ этой теперь прибавился новый куплетъ, соотвѣтствующій настроенію дня; куплетъ этотъ таковъ:

„Дождались войны конца,
Ленской продалъ жеребца
Начальству...“

Старшій докторъ экипажа В. Н. Ленской дѣйствительно на дняхъ продалъ фл.-ад. Головачеву своего коня, котораго считывалъ держать до конца кампаніи, и въ этомъ, конечно, всѣ усмотрѣли счастливую примѣту.

Пока мы еще находились на берегу Дуная, нашъ мониторъ „Никополь“ ушелъ внизъ по рѣкѣ, къ Мечкѣ, откуда открылъ огонь по турецкимъ войскамъ, скопившимся около Пиргоса. При этомъ служащій на мониторѣ шт.-кап. морской артиллеріи Деряжинскій (нашъ свѣтланецъ) изъ берданки сбилъ съ коня черкеса, проѣзжавшаго по турецкому берегу. Къ вечеру вернулись мы въ Петрошаны. За обѣдомъ читались двѣ новыя депеши Главнокомандующаго Государю о взятіи Плевны: цифръ еще нѣтъ, по сказано, что все, бывшее въ Плевнѣ, досталось въ наши руки. Турки дрались отчаянно и проникали даже въ наши траншеи и на батареи. Османъ-паша раненъ въ ногу. Наша потеря по достигнутому результату незначительна.

1 декабря. Вчера, 30-го ноября, предполагалось справлять нашъ ротный праздникъ молебномъ и пирогомъ у фельдфебеля роты Его Высочества, рослаго красавца Кирилова. Но вышло совсѣмъ иначе. Меня разбудили въ 6 ч. утра повѣсткою, что рота сейчасъ выступаетъ на Дунай. Наскоро одѣвшись и не успѣвъ даже закусить, мнѣ пришлось догонять ее уже верхомъ. При этомъ я узналъ, что еще ночью фл.-ад. Головачевъ получилъ депешу отъ ген. Ванновскаго съ извѣщеніемъ, что ожидается общее наступленіе турокъ на лѣвый флангъ Цесаревича. Еще наканунѣ замѣчено было значительное скопленіе турецкихъ войскъ у Пиргоса и тревоги ожидали ежечасно. Прибывши на Дунай, мы сдѣлали здѣсь привалъ у „островитянъ“, ожидая смѣны другою ротою. Около 11-ти часовъ утра на горахъ турецкаго берега замелькали бѣлые клубочки артиллерійскаго огня и загрохотали выстрѣлы, которые, все учащаясь, вскорѣ заволокли всю мѣстность однимъ большимъ облакомъ бѣлаго дыма. Мони-

торъ „Никополь“ тотчасъ же снялся съ якоря и пошелъ внизъ, къ Паранамъ, за нимъ послѣдовалъ туда же миноносецъ „Касатка“. Погода съ утра была чудная: при небольшомъ морозцѣ, небо было совершенно ясное и отражалось въ Дунаѣ, какъ въ зеркалѣ. Вскорѣ прискакалъ съ позицій нашъ экипажный адъютантъ лейт. Б. Е. Глазенапъ и передалъ намъ приказаніе, полученное чрезъ ген. Ванновскаго, переходить на турецкій берегъ и занять двумя ротами тѣтъ-де-понъ. Мы тотчасъ же двинулись по берегу къ „Казацкой переправѣ“ и заняли здѣсь ложементы и артиллерійскіе эполемнты, защищающіе переправу съ низовой стороны. Отсюда только-что выступили въ то время на Мечкинскую позицію двѣ роты Херсонскаго полка и 4 полѣвыхъ орудія. Мы заняли ихъ мѣсто и разлеглись на травѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ обстоятельствъ завязавшагося уже боя. Между тѣмъ раскаты артиллерійскихъ выстрѣловъ и трескотня ружейнаго огня слышались все ближе и чаще, захватывая всю боевую линію, отъ Мечки до Трстника. Вскорѣ подошли къ намъ и остальные двѣ наши роты съ фл.-ад. Головачевымъ: онъ только что получилъ вторую депешу отъ Ванновскаго съ приказаніемъ Цесаревича немедленно выступить съ остальными, находящимися у мостовъ частями, т. е. Гвардейскимъ экипажемъ и саперами, на Мечкинскую позицію. Разомкнутой полуротной колонной двинулся нашъ отрядъ далѣе къ мѣсту боя по прибрежной низовой дорогѣ, съ пѣсенниками впереди. Настроеніе команды было бодрое и веселое. Около горнаго ущелья, гдѣ прибрежныя скалы подходятъ вплотъ къ Дунаю, мы повернули вправо, слѣдуя по живописной балкѣ. Здѣсь незадолго предъ тѣмъ расположенъ былъ резервъ Херсонцевъ, при чемъ цѣпь ихъ занимала слѣдующую далѣе возвышенность и здѣсь подверглась нападенію турокъ. Сначала имъ удалось было занять нижніе ложементы и потѣснить Херсонцевъ, но вскорѣ они были выбиты отсюда артиллерійскимъ огнемъ. Когда мы подошли сюда, Херсонцы уже перешли въ наступленіе при незначительной потерѣ въ людяхъ; при этомъ оказались раненые турецкими „шальными“ пулями также и въ резервъ нашей цѣпи, хотя она и скрыта была въ балкѣ. Это весьма обычное явленіе въ настоящую войну и объясняется привычкою турокъ стрѣлять вверхъ, наудачу, иногда даже при отступленіи. На нашихъ глазахъ отъ турецкаго выстрѣла взорвало у насъ зарядный ящикъ на сосѣдней возвышенности.

Пока мы находились здѣсь, прибылъ изъ Трстника посланный туда начальникомъ переправы за приказаніями лейт. Скрыдловъ. Онъ видѣлъ тамъ Великаго Князя Владиміра Але-

ксандровича, который пожелалъ экипажу боевого успѣха, но прибавилъ, что на этотъ разъ турки насъ повидимому не дождались: они уже отбѣснены почти по всей линіи и преслѣдуются нашими.

Извѣстіе объ успѣшномъ исходѣ боя насъ, конечно, порадовало, хотя мы и сожалѣли, что не пришлось намъ вмѣстѣ съ Херсонцами принять участіе въ преслѣдованіи турокъ.

Пока мы еще находились на Мечкинской позиціи, отдыхая отъ усиленнаго марша—отъ Батинскаго моста до Мечки считается верстъ 12—появился здѣсь, очень кстати для насъ, жидъ—маркитантъ, и мы могли утолить голодъ и сильнѣйшую жажду, послѣ чего двинулись въ обратный путь. Съ возвышеннаго берега Дуная могли мы видѣть возвращеніе монитора „Никополь“ и нашихъ миноносцевъ, принимавшихъ участіе въ Мечкинскомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Парапанскими батареями. Нашъ мониторъ спустился по Дунаю ниже загражденія и, миновавъ линію нашихъ позицій, произвелъ нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ 4-хъ фунт. орудія во флангъ туркамъ. Выстрѣлы эти, говорятъ, произвели самое ободряющее впечатлѣніе на нашихъ солдатъ. Изъ Руцука выходили, одновременно съ наступленіемъ турокъ по берегу, мониторъ и два парохода и, подойдя къ острову Дина, открыли огонь по нашимъ судамъ. Одно турецкое ядро пролетѣло между катерами и надъ мониторомъ „Никополь“, гдѣ въ то время команда обѣдала. Этимъ ограничилось дѣло, такъ какъ турецкія суда, убѣдившись въ неблагопріятномъ исходѣ боя на Мечкѣ для турокъ, возвратились къ Руцуку; съ нашей же стороны воздержались отъ болѣе активныхъ дѣйствій, хотя катера были вполне готовы къ минной атакѣ.

Уже поздно вечеромъ, усталые и голодные, вернулись мы въ Петрошаны при лунномъ свѣтѣ.

8 декабря. Минувшая недѣля была особенно богата впечатлѣніями, оживившими наше однообразное существованіе. Оживленіе это началось съ 3-го декабря, когда у насъ стало извѣстно, что чрезъ Петрошаны проѣдетъ Государь, на пути въ Россію. На всѣхъ постоянныхъ дворахъ замелькали фельдъегеря, лица Государевой свиты, а также корреспонденты газетъ всѣхъ націй—все это предвѣщало Высочайшій проѣздъ. И дѣйствительно, по полученной у насъ депешѣ, Государь былъ уже въ Брестовцѣ и на слѣдующій день ожидалось его прибытіе въ Петрошаны чрезъ Батинскій мостъ. 3-го вечеромъ возвратился изъ продолжительнаго объѣзда Нижнедунайскихъ морскихъ станцій Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Въ этотъ же день объ-

дать у насъ въ каютъ-компаніи мой знакомецъ, уже упоминавшійся мною М. Henri de Lamothe—корреспондентъ газеты „Le Temps“; это типъ француза южныхъ провинцій, весельчакъ и страшный болтунъ, такъ-что слушать его долго—довольно утомительно. У насъ его прозвали магазиннымъ ружьемъ за способность выпускать въ минуту невѣроятное количество словъ. Онъ имѣетъ также другую способность всюду поспѣвать: въ нынѣшнемъ году онъ перебивалъ въ Америкѣ (гдѣ видѣлъ нашу „Свѣтлану“), Вестъ-Индіи, Алжирѣ и, наконецъ, на театрѣ войны. Lamothe одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, подписавшихъ протоколъ о жестокостяхъ надъ нашими ранеными, учиненныхъ турками на Шипкѣ.

Наконецъ наступилъ памятный для насъ день—4-е декабря. Съ 2-хъ часовъ пополудни почетный караулъ отъ нашего Гвардейскаго экипажа, состоявшій почти исключительно изъ Георгіевскихъ кавалеровъ, подъ командою лейт. Палтова и Великаго Князя Константина Константиновича, выстроился около дома, гдѣ живетъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Прочія роты экипажа были поставлены шпалерами отъ этого же дома до моста чрезъ р. Веде; на правомъ флангѣ стали всѣ офицеры и въ томъ числѣ и мы, вновь произведенные мичманы. Послѣ долгаго ожиданія наконецъ показались на дорогѣ всадники, а за ними многочисленный конный конвой изъ казаковъ и кубанцевъ; вся эта конница лихо пронеслась мимо насъ съ опущенными пиками. За нею слѣдовала коляска Государя, окруженная блестящею свитою верхами. Государь сидѣлъ въ коляскѣ съ Цесаревичемъ, а за ними ѣхали верхами Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй и свита. Государь остановилъ коляску около насъ, милостиво благодарилъ офицеровъ и команду за молодецкую службу и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ лейт. Скрыдлову о его ранѣ, не вполнѣ еще зажившей. Около дома Великаго Князя Государь принялъ рапортъ караула и лейт. Меньшикова, подходившаго на ординарцы. Затѣмъ всѣ высшія особы, къ которымъ присоединился и Великій Князь Сергѣй Александровичъ, пріѣхавшій нѣсколько позже, вошли въ домъ Великаго Князя и собравшаяся кругомъ густая и пестрая толпа изъ нашихъ матросовъ и мѣстныхъ крестьянъ стала расходиться. Впрочемъ, главная улица продолжала представлять необыкновенное оживленіе отъ прибывшихъ частей конвоя и многочисленныхъ экипажей свиты. Въ нашей каютъ-компаніи обѣдало въ этотъ день нѣсколько прибывшихъ гостей, въ томъ числѣ флигель-адъютантъ баронъ Розенъ и казачій полковникъ изъ конвоя

Цесаревича. Отъ этого офицера я узналъ нѣкоторыя подробности о дѣлѣ 30-го ноября, въ которомъ мы принимали участіе. За это дѣло Цесаревичъ награжденъ Георгіемъ 2-й степени, какъ за самый крупный боевой подвигъ Рушукскаго отряда.

Атака турокъ сначала ведена была на Мечку, а затѣмъ уже на Трстникъ. Въ балкѣ между этими двумя позиціями легло до 600 турокъ, общую же потерю непріятеля въ дѣлѣ 30-го оцѣниваютъ въ 6000 ч.; у насъ же потеря меньше, чѣмъ 14-го — всего около 700 ч. Турки въ этотъ разъ дрались съ меньшимъ воодушевленіемъ. Намъ удалось очень трудное движеніе въ тылъ непріятелю, отъ Батинцы къ Трстнику. Этотъ же полковникъ сообщилъ мнѣ слухъ о вѣроятномъ отъѣздѣ Цесаревича и Великаго Князя Владиміра въ Россію и о замѣнѣ ихъ генералами Тотлебенемъ и Ванновскимъ. Еще до обѣда имѣлъ я свиданіе съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ: онъ пожелалъ поздравить меня съ эполетами и милостиво обѣщалъ сообщить обо мнѣ извѣстія моимъ родителямъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, куда онъ сопровождаетъ Государя. Свиданіе это происходило у Великаго Князя Константина Константиновича, который также сопровождаетъ Государя и покидаетъ насъ, о чемъ всѣ мы жалѣемъ.

Около 7-ми часовъ вечера назначенъ былъ отъѣздъ Государя изъ Петрошанъ на станцію желѣзной дороги, находящуюся за деревней, на горѣ. Всѣ офицеры экипажа заблаговременно поспѣшили туда, кто верхомъ, кто въ лазаретной фурѣ, такъ какъ въ темнотѣ это представляло нѣкоторыя затрудненія. Впрочемъ, къ проѣзду Государя по всей дорогѣ до станціи разставлены были солдаты съ фонарями, а самая станція, еще не вполне достроенная, богато украшена была флагами и коврами и представляла какой-то волшебный дворецъ, непрерывно освѣщавшійся бенгальскими огнями. Объ этомъ позаботился строитель дороги С. С. Поляковъ.

Все наше офицерство выстроилось у входа на станцію въ ожиданіи Государя. Вскорѣ опять показался конвой, который при ярко-зеленомъ освѣщеніи бенгальскихъ огней представлялъ что-то сказочное. Государь въ сопровожденіи своихъ четырехъ Августѣйшихъ Сыновей и Великаго Князя Константина вышелъ изъ экипажа и встрѣченъ былъ дружнымъ и долго неумолкавшимъ „ура“. Прощаясь съ нами, Государь милостиво разговаривалъ съ офицерами экипажа около $\frac{1}{4}$ часа, спрашивалъ переболѣли ли мы за время пребыванія въ Румыніи и какъ теперь свыклись съ зимнею службою на переправѣ? Затѣмъ Го-

сударю угодно было спросить, есть ли тутъ кто-нибудь изъ свѣтланскихъ офицеровъ? Таковыхъ оказалось налицо лишь трое: мичманы Сиверсъ, кн. Барятинскій и я. Великій Князь Алексѣй Александровичъ представилъ каждого изъ насъ Государю, при чемъ мы удостоились милостивыхъ разспросовъ. Государь затѣмъ изволилъ сказать: „да, вамъ прямо изъ плаванія пришлось по-пасть сюда, вскорѣ послѣ того, какъ Я вызвалъ Алексѣя изъ Бреста. Сколько же времени вы отдыхали въ Петербургѣ?“ — „Девять дней, Ваше Величество“, отвѣтилъ кто-то изъ насъ. — „Недолго же, спасибо вамъ!“, сказалъ Государь, и это Царское милостивое „спасибо“ глубоко растрогало насъ и щедро вознаградило за всѣ пережитыя нами на Дунаѣ невзгоды и лишенія. Наступила минута отъѣзда. Государь обнялъ и поцѣловалъ остающихся въ дѣйствующей арміи трехъ Августѣйшихъ сыновей, простился съ нами и при этомъ сказалъ: „дай-Богъ намъ по-скорѣе и благополучно покончить!“. Государь съ сопровождающими его въ Россію Великими Князьями Сергѣемъ и Константиномъ и свитой вошли въ вагонъ. Пока поѣздъ не тронулся, Государь стоялъ у окна и смотрѣлъ на провожавшихъ своимъ задумчивымъ и добрымъ взглядомъ, оставившимъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Воодушевленное „ура“ провожало удалявшійся отъ насъ Царскій поѣздъ.

6-го декабря мы справляли нашъ экипажный праздникъ. Послѣ обѣдни и молебна въ нашей каютъ-компаніи былъ завтракъ, предложенный Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ офицерамъ. Въ числѣ приглашенныхъ были адъютанты Цесаревича, кн. В. С. Оболенскій и графъ А. В. Олсуфьевъ. Нашъ командиръ Головачевъ, пожалованный Государемъ при его проѣздѣ чрезъ Петропавловскъ контръ-адмираломъ свиты, былъ предметомъ общаго чествованія. За обѣдомъ прочитаны были поздравительныя депеши, полученныя экипажемъ: отъ Государя Императора, Генераль-Адмирала, Цесаревича, Главнокомандующаго, Великаго Князя Владиміра Александровича и многихъ другихъ. Никола *зимній* и здѣсь, на Дунаѣ, оказался таковымъ: 6-го съ утра мы были удивлены зимнимъ ландшафтомъ: все покрыто было густымъ слоемъ снѣга, который съ тѣхъ поръ не перестаетъ прибавляться. Сегодня мы уже испытываемъ жестокую снѣжную метель при значительномъ морозѣ. Соеобщеніе съ Дунаемъ стало очень затруднительно, вслѣдствіе глубокихъ снѣжныхъ сугробовъ. Движеніе на мосту по причинѣ метели сегодня пришлось временно остановить. Нельзя не опасаться послѣдствій такой погоды для правильнаго подвоза продовольствія нашей арміи.

11 декабря. Хотя служба наша на мосту продолжается еще, но есть большое опасеніе, что не нынче—завтра его можетъ снести ледоходъ. Сегодня имѣется депеша изъ Зимницы, что ледъ появился уже на Дунаѣ и угрожаетъ прекращеніемъ переправъ.

Вчера чрезъ Петрошаны провезли знаменитаго плѣнника, Османа-пашу, заставившаго говорить о себѣ во всемъ мірѣ и продлившаго своею энергіею войну на 5 мѣсяцевъ. Въ числѣ другихъ я уступилъ чувству любопытства и пошелъ посмотрѣть на плѣннаго героя. Около лазаретной фуры, остановившейся противъ дома Великаго Князя, столпилось немало любопытныхъ; внутри ея сидѣли двѣ фигуры, поражавшія своею неподвижностью, точно окаменѣвшія. Ближе къ запяткамъ сидѣлъ толстый турокъ, уже немолодой, съ жидкою бородкою съ просѣдью; костюмъ его составляла феска и военное пальто синяго сукна съ узкими погонами—это сопровождающій Османа военный докторъ; онъ говорилъ немного по-французски. Въ глубинѣ фуры помѣщался самъ Османъ-паша, съ фескою, низко надвинутой на лобъ, и закутанный до самаго подбородка въ военный плащъ. Лицо этого замѣчательнаго человѣка невольно приковывало вниманіе: хотѣлось прочесть въ его чертахъ слѣды только-что пережитой имъ тяжелой неудачи. Но выраженіе его лица было неподвижное, какъ бы мертвое; взоръ чрезвычайно выразительныхъ черныхъ глазъ обращенъ былъ неподвижно куда-то въ пространство; все, что можно было замѣтить въ этомъ блѣдномъ и осунувшемся лицѣ—это страданіе, какъ физическое, отъ раны, такъ и нравственное. Османъ имѣетъ чисто турецкій типъ, съ рѣзко очерченными черными бровями и небольшою бородкою, общее выраженіе его лица скорѣе пріятное, а не суровое, какъ я предполагалъ. На видъ ему можно дать около 40 лѣтъ. Сопровождающій плѣннаго пашу адъютантъ Главнокомандующаго Бибииковъ завтракалъ у Великаго Князя и вскорѣ затѣмъ тронулся съ плѣнными въ дальнѣйшій путь.

Вчера же цѣлый день вели чрезъ Петрошаны большія партіи плѣнныхъ турокъ, по большей части офицеровъ, имѣвшихъ при себѣ своихъ коней и ословъ съ багажемъ. За обѣдомъ у насъ читалась депеша Главнокомандующаго о первыхъ успѣхахъ нашихъ новыхъ союзниковъ, сербовъ, у Бабиной главы и Ниша, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ началась столь удачно предшествующая война сербовъ съ турками. Съ обѣдавшимъ у насъ гостемъ изъ главной квартиры начальникомъ полевого казначейства д. ст. сов. Кидошенковымъ завязался весьма интересный

разговоръ о вѣроятныхъ условіяхъ мира. Конечно, однимъ изъ первыхъ условій будетъ автономія Болгаріи съ особымъ княземъ, и это будетъ, безъ сомнѣнія, тяжелымъ ударомъ для Турціи. Если нынѣшнюю войною и не разрѣшится еще окончательно Восточный вопросъ, то все же мы значительно подвинемъ впередъ свою историческую миссію — освобожденіе славянскаго племени, на которое впослѣдствіи будемъ опираться въ своей борьбѣ съ Западомъ.

17 декабря. Зима окончательно установилась здѣсь: снѣжныя метели смѣняются сильными морозами, достигающими—12° R. Самое важное для военныхъ дѣйствій и для насъ въ частности послѣдствіе наступившей зимы—это прекращеніе переправъ на Дунаѣ. Ледохода, правда, уже поджидали, но никто не предполагалъ, чтобы сразу прервались всѣ сообщенія дѣйствующей арміи съ Румыніей; однако это случилось, и нельзя сказать, чтобы къ этому достаточно подготовились у насъ. Кромѣ паровыхъ катеровъ и двухъ-трехъ пароходовъ, не на чемъ поддерживать переправы, столь важныя для продовольствованія нашей арміи за Дунаемъ. Почему пароходы, высланные изъ Петербурга, не дошли сюда своевременно, а другіе еще только теперь заказаны во Франціи, понять трудно. Также приходится жалѣть, что поспешили проложить подводный телеграфъ чрезъ Дунай, вслѣдствіе чего телеграфное сообщеніе теперь сразу прервано ледоходомъ. Кажется, во всемъ этомъ виновато наше русское неисправимое „авось“.

Наша Батинская переправа прекратилась 14-го декабря, что составляетъ крупное событіе въ нашей здѣшней жизни. Въ ночь на это число начался незначительный ледоходъ, появилось такъ называемое „сало“, т. е. рыхлая масса, еще не принявшая форму льдинъ. Впрочемъ, къ утру 3 понтона въ мосту уже оказались поврежденными, а вскорѣ затѣмъ появившійся тонкій листовидный ледъ сталъ рѣзать понтоны какъ ножомъ по ватерлиніи.

Переправа немедленно была остановлена и тотчасъ же было приступлено къ разводкѣ мостовъ съ обоихъ концовъ. Изъ Петрошанъ вызванъ былъ къ Дунаю весь экипажъ и работа продолжалась до вечера. При этомъ не обошлось безъ затонувшихъ и поврежденныхъ понтоновъ (числомъ до 14-ти) и нѣсколько человѣкъ выкупалось при этой работѣ въ Дунаѣ, но несчастныхъ случаевъ не было и мосты благополучно были разведены. На слѣдующій день по Дунаю пошелъ уже сплошной ледъ крупными глыбами и между ними пронесли мимо насъ

жалкіе остатки Зимницкихъ мостовъ, которыхъ, вѣроятно, не успѣли своевременно развести, какъ у насъ.

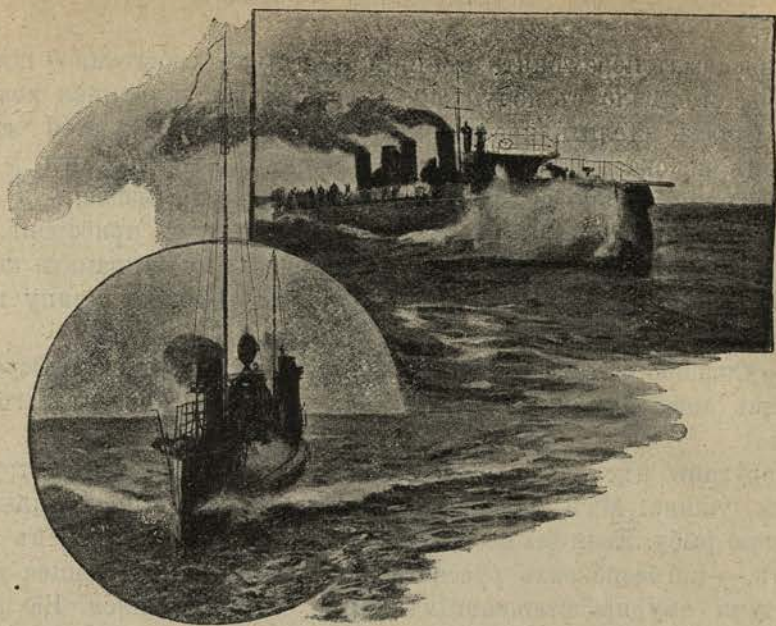
Сейчасъ сообщеніе съ турецкимъ берегомъ поддерживается кое-какъ съ помощью паровыхъ катеровъ и на паромѣхъ. Въмѣсто прежнихъ карауловъ на мосту намъ, мичманамъ, приходится теперь большую часть дня проводить на катерахъ, пробиваясь сквозь льдины.

На этихъ дняхъ прибыли къ намъ изъ Зимницы наши офицеры: лейт. Кригеръ и мичманы А. Стемманъ и Тиле. Ихъ отрядъ смѣненъ тамъ вновь прибывшимъ изъ Россіи флотскимъ. Интересны подробности, сообщенныя ими о плѣнныхъ туркахъ изъ Плевны, которыхъ теперь переправляютъ изъ Никополя въ Румынію. Положеніе ихъ отчаянное. Въ самый жестокий морозъ ихъ пригнали въ Никополь и, за неимѣніемъ мѣста въ полуразрушенныхъ домахъ города, большая часть плѣнныхъ—нѣсколько тысячъ—ночевали подъ открытымъ небомъ; морозъ достигалъ 12°. На слѣдующій день ихъ начали перевозить на пароходѣ въ Румынію, при чемъ изъ каждой партіи въ 300 чел. отъ 50—80 чел. умирало тутъ-же на пароходѣ отъ холода и истощенія! Тѣла умершихъ хоронились въ водахъ Дуная. Отъ Турну-Магурелли до Александріи дорога, по которой слѣдуютъ партіи плѣнныхъ, буквально усыяна тѣлами умершихъ, мѣстами они лежатъ кучами. А. Стемманъ былъ свидѣтелемъ, какъ нѣкоторые плѣнные падали на землю и произносили свою предсмертную молитву Аллаху. Зрѣлище это, по его словамъ, было чрезвычайно тяжелое. Какъ полезны были бы здѣсь „кормежные пункты“, подобные тому, который устраиваетъ здѣсь въ Петрошанахъ уполномоченный Краснаго Креста А. П. Давыдовъ. Работы по устройству этого пункта идутъ очень дѣятельно. Наступленіе столь холодной зимы очень замедлило ходъ этихъ работъ: нѣсколько дней пришлось употребить на одну лишь расчистку снѣга, котораго выпало на аршинъ, и теперь только приступлено къ устройству землянокъ и постановкѣ юртъ, что тоже затруднено морозами.

Юрій Арсеньевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ пережитаго.

Дневникъ моряка на Дунаѣ и въ сухопутномъ походѣ за Балканы.

(1877—1878 гг.).

(Продолженіе; см. № 10, 1909 г.).

24 декабря. Наступленіе Рождественскихъ святокъ принесло намъ крупную новость. Великій Князь Алексѣй Александровичъ получилъ на дняхъ телеграмму отъ Главнокомандующаго съ приказаніемъ Гвардейскому экипажу готовиться къ выступленію за Балканы. Въ этой телеграммѣ сказано, что Великій Князь Главнокомандующій всегда желалъ имѣть Гвардейскій экипажъ при себѣ и теперь хочетъ доставить ему новый случай отличиться за Балканами. Извѣстіе это произвело у насъ подъемъ духа послѣ нѣсколько апатичнаго настроенія, въ которомъ мы находились. Начались уже сборы, хотя они обѣщаютъ быть довольно сложными и продолжительными. Мы должны еще дожидаться прибытія изъ Петербурга высланной на смѣну намъ флотской команды въ 500 чел. Кап.-лейт. Тудеръ посланъ въ главную квартиру за разъясненіями нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ предстоящимъ намъ походомъ. Лейтенантъ Кригеръ командированъ въ Россію за палатками. Предстоитъ, кромѣ того, озаботиться формированіемъ легкаго походнаго обоза. Все это

для насъ, моряковъ, ново и мало знакомо. Но чѣмъ оригинальнѣе предстоящій сухопутный походъ для нашей морской команды, тѣмъ болѣе желаннымъ и интереснымъ представляется онъ намъ. Надъ трудностями похода и результатами его лучше не задумываться: Богъ милостивъ, хватить и силъ и здоровья! Сожалѣемъ лишь о томъ, что продолжительные сборы еще задержать насъ здѣсь и что ужъ, вѣроятно, драться намъ съ турками не придется. А покаместъ все еще продолжаетъ итти у насъ здѣсь по старому, заведенному порядку. Мы, мичмана, поочередно дежури́мъ на переправѣ, гдѣ пробиваемся цѣлый день на катерахъ, дѣлая рейсы чрезъ сплошныя массы пловучаго льда. Каждый такой рейсъ приноситъ существенную пользу, доставляя насущный хлѣбъ, въ видѣ провіанта и фуража, нашей арміи. Конечно, то, что мы успѣваемъ перевезти за день, составляетъ каплю въ морѣ, но и это важно. Вчера я обѣдалъ у Великаго Князя, который былъ очень веселъ и разговорчивъ. За обѣдомъ читалась депеша о взятіи Арабъ-Конака и объ удачномъ аванпостномъ дѣлѣ у Софіи. Между прочимъ сообщается о жестокомъ снѣжномъ буря́нѣ, который наши войска выдержали на высотѣ 5000 футовъ: около 1000 чел. при этомъ пострадало отъ мороза. Всѣ эти подробности пріобрѣтають для насъ теперь особенный интересъ.

Сейчасъ былъ я у праздничной всенощной подѣ Рождество, которую служилъ въ здѣшней тѣсной и бѣдной сельской церкви нашъ іеромонахъ о. Митрофанъ. Мысли невольно переносятся въ Россію, въ родительскій домъ, гдѣ всегда такъ радостна и симпатична бываетъ встрѣча Рождества Христова; вотъ уже третій годъ, что странствія по морямъ и сушѣ держать меня вдали отъ семейнаго очага, и одному Богу извѣстно, когда вернусь въ родные края...

1878. 3 января. Вотъ и новый годъ наступилъ и трудно еще предвидѣть, что принесетъ онъ съ собою... Никогда еще ближайшее будущее не представлялось мнѣ столь полнымъ неизвѣстности и неожиданностей, какъ въ настоящее время. Вокругъ меня шумно идетъ своимъ чередомъ полковая жизнь. Наканунѣ вѣроятнаго похода за Балканы Гвардейскій экипажъ переживаетъ фазу какого-то особеннаго, лихорадочнаго оживленія. Встрѣча новаго года была у насъ въ каютъ-компаніи необыкновенно многолюдная и шумная. Отовсюду наѣхали разсѣянные офицеры экипажа: Ергомышевъ — изъ Турна, Дубасовъ, Петровъ, кн. Оболенскій, кн. Щербатовъ и Эбелингъ — съ Нижняго Дуная. Офицеры, командированные, кто за палатками, кто за берданками, кто за шанцевымъ инструментомъ, также вернулись, исполнивши свои порученія. Вообще идутъ дѣятельныя приготовленія къ походу, но относительно времени выступленія и состава офицеровъ держится еще пока какая-то таинственность и неопредѣленность, и нѣкоторые усматривають въ этомъ даже признакъ сомни-

тельности нашего похода. Но съ другой стороны, высланная намъ смѣна отъ 8-го флотскаго экипажа, отправившись еще 25-го декабря изъ Петербурга, уже находится въ Яссахъ, а намъ присланъ маршрутъ отъ Петропавъ до Казанлыка, чрезъ Бѣлу, Тырновъ и Шипку. Кап.-лейт. Тудеръ, ѣздившій еще въ декабрѣ въ главную квартиру, привезъ извѣстіе, что экипажъ возьметъ съ собой два паровыхъ катера, такъ какъ назначеніе его за Балканами будетъ заключаться въ устройствѣ переправъ чрезъ рѣки, и въ особенности чрезъ Марицу. Однако, если выступленіе наше задержится слишкомъ долго, то событія ждать насъ не будутъ. За послѣднія двѣ недѣли приходили къ намъ, одно за другимъ, радостныя извѣстія: о взятіи Софіи и о сдачѣ всей Шипкинской арміи турокъ (25 тыс. чел. и 60 орудій) Радецкому. По послѣднимъ депешамъ, главная квартира наша уже въ Казанлыкѣ, а войска наши находятся подъ самымъ Филиппополемъ.

Если Богъ дастъ и дальше послѣдуютъ такія же боевыя удачи, то дѣло дойдетъ, можетъ быть, скоро и до мира. О перемиріи же рѣчь со стороны турокъ идетъ уже давно: въ Русуцкомъ отрядѣ нашемъ уже побывали турецкіе парламентары, справлявшіеся, не заключено ли перемиріе, какъ слышно у турокъ. Но ихъ разочаровали на этотъ счетъ. Россія, говорятъ, о перемиріи и слышать не хочетъ, допуская только окончательные мирные переговоры на предписанныхъ ею условіяхъ.

Рѣшительныхъ военныхъ событій у Филиппополя и Адрианополя можно теперь ожидать со дня на день и они, конечно, отзовутся и на нашей дальнѣйшей участи.

Наканунѣ новаго года флиг.-ад. Головачевъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ экипажа на ужинъ. Послѣ многочисленныхъ тостовъ оживленіе присутствующихъ дошло до апогея: столы были отодвинуты и начались пляски, въ которыхъ приняли наиболѣе дѣятельное участіе лейт. Клокачевъ и мичмана Персинъ и Арцеуловъ. Вчера, 2-го января, по случаю 28-ми лѣтняго рожденія Великаго Князя Алексѣя Александровича, былъ молебень въ сельской церкви, а затѣмъ завтракъ у Великаго Князя, на которомъ присутствовали между прочими почтенный М. Д. Новиковъ, украшенный двумя Георгіями, и вновь произведенные капитанъ-лейтенанты: Дубасовъ, Веселаго и Лангъ. Новогоднія празднества закончились въ тотъ же день вечернею закуской въ каютъ-компаніи, устроенной офицерствомъ нашимъ; здѣсь снова было весело и оживленно. Новиковъ почтилъ эту вечеринку своимъ присутствіемъ. Пляски молодежи вызвали на его серьезномъ лицѣ сочувственную улыбку, а иногда и одобрительное замѣчаніе, которое онъ высказывалъ своимъ глубокимъ, внушительнымъ басомъ.

Добавлю нѣсколько словъ о нашей еще продолжающейся пока дѣятельности на переправѣ.

Недавно подвезли въ Петрошаны 3 небольшихъ парохода для усиленія нашихъ перевозочныхъ средствъ. Весь экипажъ теперь усиленно работаетъ для скорѣйшаго спуска этихъ пароходовъ на Дунай; насъ, мичмановъ, назначаютъ на работы черезъ день: снимать пароходы съ платформъ, ставить ихъ на полозья и тащить къ Дунаю. Работа эта подвигается успѣшно и сегодня самый большой изъ 3-хъ пароходовъ уже спущенъ на воду. На этой работѣ мнѣ пришлось начать день новаго года, выступивъ съ ротою къ Петрошанамъ раннимъ утромъ. Ледоходъ на Дунаѣ продолжается и нисколько не ослабѣваетъ. Не такъ давно пострадали отъ льда три лучшихъ катера и миноносецъ „Касатка“, которому своротило носъ и снесло минные сектора; съ тѣхъ поръ переправа поддерживается только двумя оставшимися катерами и то лишь до острова Батина, откуда есть возможность переправляться на турецкій берегъ по льду. На мѣстѣ бывшего здѣсь еще недавно моста навалены на берегу цѣлыя горы кулей, тюковъ и всевозможныхъ грузовъ. Кругомъ стоятъ сотни подводъ и толпятся извозчики и комиссіонеры, точно на ярмаркѣ. Душою переправы можетъ по справедливости почитаться кап.-лейт. М. Г. Веселаго, который находится здѣсь безотлучно, съ утра до вечера; онъ хлопочетъ и распоряжается здѣсь очень энергично, водворяя порядокъ и производя устрашающее впечатлѣніе на проѣзжающихъ своею внушительною фигурою, облеченною въ широчайшую бурку. На него сочинены даже стихи, имѣвшіе большой успѣхъ на послѣднемъ завтракѣ у Великаго Князя; авторомъ ихъ, конечно, является нашъ шутникъ, мичманъ Персинъ. Приведу ихъ на память:

По снѣжной дорогѣ къ Дунаю,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Нашъ *Титъ* одинокій несется,
Несется на утлыхъ саняхъ.
Не видно въ саняхъ лейтенанта,
Не слышно его руготни,
Лишь грозно въ отверстіи бурки
Торчатъ у него кулаки.
Спѣшитъ онъ къ своей переправѣ,
Гдѣ славу составилъ себѣ,
Избивъ на пути двухъ евреевъ
И двухъ искупавши въ рѣкѣ...

6 января. Послѣдніе дни принесли нѣсколько крупныхъ новостей съ театра войны. Успѣхи нашихъ войскъ за Балканами день ото дня становятся значительнѣе и надежда на миръ соотвѣтственно увеличивается. Сегодня узнали мы о занятіи нашими Филиппополя. Послы изъ Константинополя уже прибыли къ Главнокомандующему для переговоровъ, неизвѣстно только, о мирѣ, или только о пере-

миріи они поведуть рѣчь. У насъ новость—Великій Князь Алексѣй Александровичъ получилъ Георгія 4-й степени за свою боевую дѣятельность во главѣ морскихъ командъ на Дунаѣ. Весьма сожалѣю я объ отъѣздѣ изъ Петрошанъ завѣдывавшаго здѣсь кормежнымъ пунктомъ Краснаго Креста А. П. Давыдова. По просьбѣ главноуполномоченнаго Рихтера онъ согласился принять въ свое завѣдываніе госпиталь въ Фратештахъ, гдѣ уполномоченный и часть персонала заболѣли тифомъ. Эта болѣзнь стала принимать въ Фратештахъ эпидемическій характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ туда навезли много плѣнныхъ турокъ. На принятіе такого поста требуется не мало самоотверженнаго мужества, въ которомъ у А. П. Давыдова недостатка нѣтъ: онъ уже уѣхалъ вчера въ Фратешти, сдавъ здѣшній пунктъ временно доктору И. И. Медвѣдеву.

Вчера, наканунѣ Богоявленія, въ здѣшней крошечной сельской церкви совершенно было водосвятіе, послѣ котораго іеромонахъ Митрофанъ обходилъ со святою водою всѣ офицерскія квартиры, а сегодня на Дунаѣ устроена была іордань и на водосвятіе туда ѣздили всѣ наши офицеры. Кстати, я еще не упоминалъ о томъ, что еще третьяго дня вечеромъ Дунай окончательно сталъ и если еще подморозить, то сообщеніе съ тѣмъ берегомъ скоро установится по льду. Такимъ образомъ вновь прибывшимъ пароходамъ мало удалось теперь поработать и ихъ пришлось на время вытаскать на берегъ; одинъ изъ нихъ уже успѣлъ получить поврежденіе винта объ лёдъ.

16 января. Мы вступили въ новую эпоху ожиданій и приготовленій къ предстоящему походу за Балканы. Великій Князь возвратился изъ Бухареста 11-го и, вопреки всѣхъ ожиданій, о походѣ заговорили болѣе прежняго. Въ тотъ же день узнали мы о взятіи Адрианополя и о разбитіи Сулеймана-паши генераломъ Гурко. Кажется бы, что походъ нашъ уже несвоевремененъ, однако самыя дѣятельныя приготовленія теперь только и начались. Лейт. Ергомышевъ назначенъ квартирмейстеромъ и командированъ въ Бухарестъ для приведенія экипажнаго обоза на походную ногу: для этого закуплено будетъ нѣсколько десятковъ воловъ и пополнено число обозныхъ лошадей.

Сегодня получилъ я письмо отъ А. П. Давыдова, которое даетъ понятіе о его тяжелой и самоотверженной дѣятельности. „Во Фратешти, пишетъ онъ,—совершенный адъ: грязь, вонь и тифъ. Члены медицинского персонала заболѣваютъ ежедневно. Къ счастью, до сихъ поръ почти всѣ выздоравливаютъ, но едва ли это такъ останется. Турки проходятъ чрезъ Фратешти, а насъ заваливаютъ умирающими и умершими; вчера, между прочимъ, привезено было 9 труповъ. Едва успѣваемъ хоронить; въ день моего пріѣзда я нашелъ здѣсь груду въ 120 труповъ на открытомъ воздухѣ. Дѣла у меня пропасть, я съ утра до ночи на ногахъ, бѣгая изъ угла въ уголъ. Это бы ничего,

но бѣда въ томъ, что изъ этой бѣготни мало выходитъ толку. Чтобы здѣсь что-нибудь сдѣлать, надо 500 человѣкъ, 150 подводъ и право вѣшать смотрителей военныхъ госпиталей“. Содержаніемъ этого письма я подѣлился съ докторомъ Медвѣдовымъ, который на дняхъ также совсѣмъ уѣзжаетъ отсюда во Фратешти, сдавъ здѣшній пунктъ уполномоченному графу Крейцу. Пунктъ теперь вполне устроенъ и можетъ дать кровъ 300 чел. раненымъ и больнымъ. Особенно удалась по устройству обширная землянка на 60 чел., вырытая нашими матросами; изнутри она вся обтянута парусиною, а нары устланы циновками. Помѣщеніе это теплое, свѣтлое и просторное.

Напослѣдокъ нашъ экипажъ еще продолжаетъ усиленно работать на переправѣ, куда отправляется ежедневно по невылазной грязи по двѣ роты. Ледъ на рѣкѣ тронулся было, но еще держится, а вода въ Дунаѣ ежедневно прибываетъ фута на два и можно опасаться скорого разлива, уже не весенняго ли? Намъ теперь очень занимаетъ вопросъ о предстоящей переправѣ нашей чрезъ Дунай съ обозомъ, минами и катерами для выступленія въ походъ; не придется ли намъ отказаться отъ этого плана и отправиться болѣе налегкѣ?

На дняхъ прибыла сюда полурота гвард. саперъ и гальванеръ, которые, кажется, выступятъ вмѣстѣ съ нами, а вчера пришли въ Гаужаны Сумскіе гусары изъ Калараша. Эти послѣдніе также должны идти за Балканы по тому же маршруту, что и мы: какъ слышно, пойдемъ мы на Сливно и Ямболъ. Вечеромъ у насъ въ хатѣ собралось нѣсколько Сумскихъ офицеровъ и знакомый мнѣ по Москвѣ вольноопредѣляющійся того-же полка С. А. Лопухинъ, украшенный за время похода солдатскимъ Георгіемъ. Присоединился къ нашей компаніи и нашъ добродушный Петрошанскій комендантъ — полковникъ стрѣлковаго батальона Г. Г. Сакварелидзе-Бежановъ, съ которымъ мы очень сошлись за время нашего пребыванія здѣсь. Онъ — старый кавказецъ и за боевые подвиги на Шипкѣ имѣетъ золотое оружіе.

23 января. Ничего опредѣленнаго еще не выяснилось о времени нашего выступленія отсюда, а между тѣмъ военныя событія не ждутъ. Получено извѣстіе о заключеніи съ турками 7-ми дневнаго перемирія, съ условіемъ сдачи намъ главныхъ крѣпостей: Рушука, Силистріи, Виддина и Эрзерума. Еще 20-го узнали мы о взятіи Базарджика ген. Циммерманомъ. Вчера, наконецъ, проѣхалъ чрезъ Петрошаны нашъ дипломатъ графъ Н. П. Игнатьевъ, который, какъ слышно, везетъ съ собою условія мирнаго договора. Что касается до насъ, то получена на дняхъ депеша отъ Великаго Князя Главнокомандующаго; въ ней сказано, что Гвард. экипажъ нуженъ ему за Балканами болѣе, чѣмъ когда либо, и предписывается намъ выступить въ походъ съ минами Герца и шлюпочными. Приготовленія и сборы подвигаются впередъ, хотя и медленно. Изъ Петербурга прибыли наши офицеры: флиг.-ад. Палтовъ (только что пожалованный въ это

звание Государемъ), кап.-лейт. Дейбнеръ и лейт. кн. Н. О. Касаткинъ-Ростовскій. вмѣсто к.-л. Веселаго помощникомъ к.-а. Головачева на переправѣ назначенъ к.-л. Тудеръ. Флотскій экипажъ, идущій къ намъ на смѣну, находится вблизи Бухареста. Все это предвѣщаетъ намъ походъ въ близкомъ будущемъ. Занятіе Рушука нашими войсками должно, безъ сомнѣнія, отозваться на судьбѣ здѣшней переправы, которая за послѣдніе дни, со времени очистки Дуная отъ льда (19-го января), вновь дѣятельно поддерживается на пароходахъ. Поговариваютъ уже о перенесеніи переправы отсюда въ Журжево и по этому дѣлу отправились вчера, Головачевъ—къ ген. Дрентельну въ Бухарестъ, а кн. Шаховской—къ Цесаревичу. Не совѣмъ вяжется съ этими мирными слухами полученное извѣстіе объ объявленіи войны Турціи со стороны Греціи: 12-ти тысячный греческій корпусъ вступилъ въ Фессалію, а на Критъ—полное возстаніе. Въ этомъ уже слишкомъ бьетъ въ глаза желаніе грековъ загребать жаръ чужими руками, но не ошибутся ли они въ своихъ расчетахъ? Говорятъ еще, что князь Карлъ Румынскій очень опечаленъ, узнавъ, что Румыніи придется, вѣроятно, уступить намъ небольшую отрѣзку территоріи, отъ Унгенъ до Яссы, тогда-какъ румыны надѣялись еще получить отъ насъ часть Бессарабіи съ Кишиневомъ! Этого еще не доставало послѣ страшныхъ денегъ, въ которыя обошлись намъ слишкомъ уже дорогіе союзники, румыны.

25 января. На этихъ дняхъ ждутъ сдачи Рушука и Великимъ Княземъ уже назначена комиссія подъ предѣлательствомъ к.-л. Тудера для пріемки турецкихъ судовъ, которыя достанутся намъ вмѣстѣ съ крѣпостью. Въ Силистрію, вѣроятно, также сданы будутъ намъ военные пароходы и мониторы и такимъ образомъ на Дунаѣ сразу явится цѣлая флотилія, которую придется укомплектовать командами и офицерами. Высказываются предположенія, будто это новое обстоятельство задержитъ насъ здѣсь. Но съ другой стороны иные слухи говорятъ, будто намъ предстоитъ уже по прибытіи въ Константинополь укомплектовать 6 турецкихъ броненосцевъ, которые должны достаться намъ въ видѣ военной контрибуціи. Время покажетъ, насколько все это достовѣрно. Вчера провелъ я очень дѣятельный день на переправѣ. Съ утра выступилъ съ ротою на Дунай, гдѣ смѣнилъ съ дежурства мичмана Меньшикова на пароходѣ „Ласточка“. Это лучший ходокъ изъ 3-хъ пароходовъ, доставленныхъ сюда недавно изъ Петербурга (плававшихъ по Невѣ), к.-лейт. Кашерининовымъ. Машина на немъ одноцилиндровая, завода Крейтона, въ 10 силъ. Съ полудня до 6-ти часовъ вечера не сходилъ я съ парохода, дѣлая рейсы отъ мѣста стараго моста къ Казачьей переправѣ, т. е. ниже Батина, каждый разъ буксируя паромы съ лошадьми, быками и повозками, а также нагруженные до верху понтоны. Несмотря на ходкость парохода, обратный рейсъ, т. е. противъ теченія,

дѣлалъ я въ 40 минутъ и долѣе. Всѣхъ рейсовъ сдѣлалъ я 10 и за это время изрядно-таки прозябъ: день былъ морозный и дулъ очень порывистый западный вѣтеръ. Вода въ Дунаѣ очень высока, но еще не выступала изъ береговъ; изрѣдка рѣка покрывается льдинами, оторвавшимися отъ нѣкоторыхъ, еще замерзшихъ рукавовъ. Только къ 8-ми часамъ вечера вернулся я съ командою въ Петрошаны и, поужинавъ, завалился спать, какъ убитый.

4 февраля. Только-что вернулся я изъ Бухареста, куда имѣлъ отпускъ для необходимыхъ покупокъ предъ походомъ. За эти дни самая крупная новость у насъ это отъѣздъ въ Россію Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей. Цесаревичъ проѣхалъ чрезъ Петрошаны 1-го февраля. По пути онъ дѣлалъ смотры войскамъ своего отряда и въ томъ числѣ и Гвардейскому экипажу, и благодарилъ насъ за усердную и полезную службу нашу на Дунаѣ. Изъ Петрошанъ Цесаревичъ выѣхалъ вечеромъ въ сопровожденіи Великихъ Князей и остался ночевать на станціи Александрія, близъ Слободзеи.

На возвратномъ пути изъ Бухареста останавливался я во Фратешти, чтобы повидаться съ А. П. Давыдовымъ, и провелъ здѣсь цѣлый день. Нельзя не удивляться той энергіи и самоотверженію, съ которыми онъ исполняетъ свою тяжелую обязанность завѣдующаго обширнымъ Фратештскимъ госпиталемъ, гдѣ свирѣпствуетъ повальный тифъ. Жилищемъ ему служить небольшой и наскоро выстроенный баракъ, который при вѣтрѣ, проникающемъ чрезъ щели, сильно настываетъ. Съ утра до вечера А. П. приходится быть на ногахъ, то обходя бараки и палатки, то отправляя и встрѣчая санитарные поѣзда, то отдавая различныя хозяйственныя и административныя распоряженія. Даже ночью нерѣдко тревожатъ его проѣзжающіе знакомые, прося ночлега. Къ обѣду и ужину весь медицинскій персоналъ госпиталя собирается за столомъ въ обширной палаткѣ. Здѣсь встрѣтилъ я знакомаго д-ра Медвѣдева, который былъ раньше въ Петрошанахъ; онъ со рвеніемъ принялся здѣсь за свою хирургическую спеціальность; ему приходится отнимать немало отмороженныхъ ногъ и рукъ, преимущественно у плѣнныхъ турокъ. Между ними и смертность весьма значительная, такъ какъ они приходятъ сюда уже сильно ослабѣвшими. При мнѣ пришли сказать А. П. Давыдову, что привели одного турка.

— Почему такъ мало? — спросилъ онъ. — Да ихъ было четверо, — отвѣчали по простотѣ конвойный солдатикъ, — но изъ нихъ трое по дорогѣ *пало*, одного только и привели.

Отъ Фратешти до Петрошанъ я ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ съ ген.-ад. кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ: онъ возвращался изъ Александріи, куда провожалъ Наслѣдника Цесаревича. Князь любезно пригласилъ меня въ свой вагонъ, а въ Петрошанахъ подвезъ меня въ экипажъ до самой моей хаты.

Изъ разговора съ княземъ я узналъ, что его главная квартира теперь находится уже въ Разградѣ, а корпусъ его расположенъ у самой Шумлы. Въ занятыхъ нашими войсками мѣстностяхъ захвачено много провіанту, такъ что 13-й корпусъ снабженъ всѣмъ необходимымъ на 2½ мѣсяца. Бывшіе турецкіе поставщики теперь пекутъ булки нашимъ войскамъ изъ турецкой муки. Рушукъ будетъ окончательно сданъ намъ уже 5-го февраля.

Періодъ недоумѣній и противорѣчивыхъ слуховъ относительно нашего похода за Балканы наконецъ окончился. По возвращеніи я узналъ, что вчера получена у насъ депеша отъ Великаго Князя Главнокомандующаго: экипажу немедленно выступить въ походъ съ минами, но съ легкимъ обозомъ, чрезъ Твердицкій переваль, на Ени-Загру. За этою депешою прошлою ночью послѣдовала оттуда же вторая: „По Высочайшему повелѣнію экипажу выступать немедленно, онъ мнѣ крайне нуженъ“. Вслѣдъ за этимъ пришло, также по телеграфу, распоряженіе и отъ Великаго Князя Алексѣя Александровича: онъ приказывалъ намъ выступить въ походъ, взявши съ собою 5 минъ Герца и 5 шлюпочныхъ. Командованіе экипажемъ въ этомъ сухопутномъ походѣ возлагается на кап.-лейт. Дейбнера. Итакъ, вѣроятно на будущей недѣлѣ мы наконецъ разстанемся съ Дунаемъ и Батинскою переправою, на которой столько пережили и потрудились, и наше мѣсто займетъ здѣсь сводный флотскій экипажъ, недавно прибывшій въ Журжево. К.-адм. Головачевъ принялъ отъ Великаго Князя Алексѣя Александровича начальство надъ всѣми морскими командами на Дунаѣ и остается въ Петрошанахъ.

8 февраля. Наконецъ наступилъ желанный день нашего выступленія въ походъ за Балканы. Утро стояло ненастное: накрапывалъ мелкій, какъ бы осенній дождикъ. Наши сборы начались съ 5-ти часовъ утра, а обозъ экипажа выступилъ изъ Петрошанъ къ Дунаю еще вчера.

Медленно, мѣся глубокую грязь ногами, подвигалась наша команда по шоссе къ рѣчному берегу. Здѣсь ожидалъ насъ пароходъ „Карабія“, которымъ командуетъ кап.-лейт. Скрыдловъ, съ огромною баржею на буксирѣ: на эту послѣднюю и посадили команду, а офицерство помѣстилось на пароходѣ. При звукахъ нашего экипажного марша отвалили мы отъ румынскаго берега. Здѣсь провожали насъ начальникъ переправы к.-адм. Головачевъ, очень растроганный разлукою съ экипажемъ, и наши преемники на переправѣ: кап.-лейт. Вороновъ, мичманъ Снарскій и другіе. На томъ берегу Дуная насъ ожидалъ уже нашъ отрядный обозъ, состоящій изъ 60-ти повозокъ и нагруженный между прочимъ тяжеловѣсными минами. Намъ предстояла не легкая задача двинуться съ этою массою тяжестей въ дальній походъ.

Затрудненія не замедлили сказаться уже на первомъ нашемъ переходѣ, отъ Дуная къ Яли-Абланову. Отъ самаго берега дорога

вступаетъ въ ущелье, гдѣ ожидало насъ первое препятствіе: обозъ нашъ застрялъ въ глубокой и липкой грязи и вытаскиваніе подводу задержало насъ здѣсь почти до вечера и въ конецъ измучило нашихъ молодцовъ-матросовъ, еще не привыкшихъ притомъ къ тяжести своихъ объемистыхъ ранцевъ. Вытащивъ наконецъ часть обоза дружными усилиями людей и румынскихъ буйволовъ, мы двинулись въ дальнѣйшій путь уже въ темноту; только самую тяжелую часть обоза—мины пришлось здѣсь оставить, вслѣдствіе полнѣйшей невозможности сдвинуть ихъ съ мѣста и тащить далѣе по горнымъ дорогамъ. Только къ ночи, усталые и измученные, добрались мы до большого болгарскаго селенія Абланова и здѣсь почти ощупью, съ трудомъ пробираясь въ темнотѣ чрезъ невылазную грязь, удалось намъ размѣстить команду по хатамъ. Послѣ столь утомительнаго дня мы, какъ убитые, разлеглись спать на глиняномъ полу отведенной намъ хаты, подостлавши свои бурки и наскоро перекусивши на сонъ грядущій, чѣмъ Богъ послалъ.

9 февраля. Послѣ вчерашняго утомительнаго перехода, который былъ для насъ особенно тяжелъ еще потому, что мы не успѣли приноровиться къ новымъ условіямъ походной жизни, сегодня у насъ назначена дневка въ Аблановѣ. Мы отдыхаемъ и приводимся въ порядокъ. Абланова—большая деревня, раскинувшаяся по крутымъ склонамъ нѣсколькихъ пересѣкающихся овраговъ. Она принадлежитъ къ мало пострадавшимъ отъ турокъ и черкесъ болгарскимъ селеніямъ, такъ какъ они ушли отсюда немедленно послѣ нашей переправы чрезъ Дунай. А раньше здѣсь считалось 70 турецкихъ дворовъ, 50 черкесскихъ, 15 татарскихъ и около 110 болгарскихъ. Послѣ переправы все мусульманское населеніе отсюда бѣжало къ Рущуку, а его мѣсто заняли болгаре, также бѣглецы. Турецкіе дворы скучились здѣсь на днѣ оврага, около фонтана, а болгарскіе расположены выше: въ селеніяхъ Болгаріи, также какъ и въ городахъ ея, существовали особые кварталы: мусульманскій и болгарскій.

Болгарская хата, въ которой мы остановились на дневку, очень просторна и чиста; снаружи она выбѣлена и крыта черепицею, окна рѣшетчатая и заклеены бумагою. Она заключаетъ двѣ жилыхъ комнаты съ печью и очагомъ, входъ чрезъ открытую галлерею. Въ одной связи съ хатою находится конюшня и особое отдѣленіе для печенія хлѣба. Наши хозяева—очень почтенные старики, при нихъ живетъ женатый сынъ и его дѣти.

Очень типиченъ 7-ми лѣтній бѣлокурый мальчикъ Велико въ бараньей шапкѣ, курткѣ и широкихъ штанахъ. Сынъ хозяина только что вернулся съ быками изъ Рущука, куда уже вступили, по его словамъ, наши войска. Онъ хорошо говоритъ по-русски, выучился у солдатъ. При его содѣйствіи мы закупили вина въ мѣстномъ шинкѣ и овечьяго сыру. Онъ же показывалъ намъ сельскую церковь съ

колоколами, пожертвованными Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Гуляя по селу, мы видѣли болгарскую свадьбу, а именно проводы невѣсты съ музыкою, дѣвичникъ и граціозные танцы. Вступая въ домъ жениха, новобрачная цѣлуетъ руку тестя и прикладываетъ ее затѣмъ ко лбу, въ знакъ уваженія къ старшему въ семьѣ. Болгарки, хотя малорослы, но хорошо сложены и довольно красиваго типа: у нихъ большіе и выразительные глаза.

10 февраля. Сегодня нашъ батальонъ сдѣлалъ небольшой переходъ отъ Абланова въ Обиртеникъ, около 8-ми верстъ. Часовъ въ 7 утра выступилъ впередъ обозъ подъ конвоемъ 2-ой роты, такъ что остальные роты могли слѣдовать уже безъ утомительныхъ задержекъ. Погода облачная, но по временамъ проглядываетъ солнце. За нами слѣдовали наши вьючныя лошади и ослики; послѣдніе нагружены различными походными провизіями и закусками, такъ что на привалахъ мы могли подкрѣпляться пищею. Мѣстность сохраняетъ здѣсь свой гористый характеръ, дорога хорошая. Мы оставили влѣво Брестовець и около полудня были въ Обиртеникъ. Это большая деревня, раскинувшаяся на нѣсколькихъ холмахъ и пересѣченная глубокими балками. Здѣсь много турецкихъ домовъ и мечеть, но всѣ они покинуты турками и населеніе теперь исключительно болгарское, отчасти перешедшее сюда изъ подъ Рушукъ. Въ деревнѣ мы заняли помѣщенія, заранѣе приготовленные нашими квартирными. Постройка домовъ здѣсь нѣсколько иная, чѣмъ въ Аблановѣ: они въ два этажа и съ большими открытыми балконами. Мужское населеніе на половину отсутствуетъ: сейчасъ много заработковъ по перевозкѣ разныхъ кладей изъ Рушукъ. Дома почти исключительно женщины-болгарки. Онѣ имѣютъ здѣсь необыкновенно красивый типъ: видныя, широколицыя, съ румянцемъ во всю щеку и съ бѣлыми, какъ жемчугъ, зубами. Говорятъ на чисто-болгарскомъ языкѣ, безъ примѣси румынскихъ словъ, какъ мы замѣчали это въ ближайшихъ къ Дунаю селеніяхъ. Болгарки чрезвычайно развиты, привѣтливы и вовсе не дичатся чужихъ. Въ костюмѣ ихъ очень оригинальны широкія чеканные бляхи на поясахъ и головной уборъ, напоминающій тіару.

11 февраля. Рано утромъ наша рота выступила впередъ съ обозомъ. Погода стала проясняться, при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Версты съ 3 мы шли просѣлкомъ, а потомъ выбрались на знаменитое Мидхадовское шоссе, проведенное этимъ пашей-реформаторомъ отъ Рушукъ до Елены. Нельзя было не помянуть добромъ Мидхада, продолжая нашъ путь по этому прекрасному шоссе, уже не встрѣчая грязи и размытыхъ мѣстъ, часто затруднявшихъ до сихъ поръ движеніе обоза. Вскорѣ начался подъемъ на довольно высокую гору, гдѣ сдѣлали приваль; далѣе шоссе спускается въ лощину. Мѣстность становится очень пересѣченной и живописною: встрѣчаются перелѣски и мѣстами виноградники. Въ травѣ мелькаютъ первые весенніе

цвѣты—анемоны. Миновавши второй подъемъ на гору, мы стали спускаться въ живописную долину, окруженную синѣющими горами: здѣсь расположено красивое селеніе Дольній монастырь, гдѣ одно время находилась главная квартира Наслѣдника Цесаревича. Здѣсь присоединились къ намъ остальные роты, и мы слѣдовали далѣе до Бѣлы чрезвычайно красивою горною мѣстностью. Тутъ попадались намъ курганы, которыми, по словамъ мѣстныхъ болгаръ, увѣковѣчены могилы нашихъ солдатъ, павшихъ здѣсь въ Турецкую кампанію 1828 года. Чтобы сократить нашъ путь до Бѣлы, мы отдѣлились отъ обоза и поднялись горною тропою на очень крутую возвышенность. Съ вершины ея открылся предъ нами видъ на Бѣлу, расположенную на противоположномъ скатѣ горы къ протекающей здѣсь р. Янтрѣ. Мѣстечко раскинулось довольно широко и живописно, пестрѣя бѣлыми домиками, съ красными крышами, между которыми виднѣется минаретъ мечети, нѣсколько двухъэтажныхъ домовъ и колокольня православной церкви. Черезъ сверкающую на солнцѣ Янтру, которая серебряною полосой прорѣзываетъ мѣстечко, перекинута нѣсколько каменныхъ мостовъ. Мы прибыли въ Бѣлу въ 2 ч. дня, сдѣлавши переходъ около 20-ти верстъ: онъ показался намъ легкимъ и менѣе утомительнымъ, чѣмъ предыдущіе, подѣ влияніемъ живительнаго горнаго воздуха, которымъ мы особенно наслаждались здѣсь послѣ сырого и нездороваго воздуха придунайской низменности. Размѣстившись по квартирамъ, мы успѣли еще до вечера побродить по узкимъ и довольно грязнымъ улицамъ мѣстечка. Въ мѣстныхъ лавочкахъ удалось купить хорошаго табаку и даже русскихъ пряниковъ. Здѣсь оказалась также очень порядочная харчевня, которую содержитъ французъ: она помѣщается въ бывшемъ турецкомъ каравансераѣ. Мы могли здѣсь очень вкусно пообѣдать. Французъ-рестораторъ скоро перебирается отсюда въ Рушукъ.

12 февраля. Сегодня воскресный день. По маршруту назначена у насъ дневка въ Бѣлѣ и мы воспользовались ею, чтобы пополнить наши запасы закусокъ, фуража и проч. Утромъ, проѣзжая по мѣстечку, я безпрестанно встрѣчалъ на улицахъ свадебныя процессіи въ самыхъ яркихъ праздничныхъ костюмахъ, производившихъ особенно веселое впечатлѣніе при чудной солнечной погодѣ. Во всѣхъ концахъ Бѣлы, точно по уговору, праздновались сегодня свадьбы. Какъ я могъ замѣтить, мѣстный типъ болгаръ здѣсь далеко не такъ красивъ, какъ въ Обиртѣникѣ. Въ Бѣлѣ населеніе болѣе смѣшанное, чѣмъ въ деревняхъ, и попадаетъ много цыганъ. Я видѣлъ между прочимъ свадьбу болгарина съ цыганкой. Невѣсту привезли изъ родительскаго дома на каруцѣ, запряженной буйволами, и при звукахъ бандуры. За нею слѣдовала другая подвода, нагруженная приданымъ, при чемъ бросалось въ глаза необыкновенное изобиліе подушекъ. Невѣста одѣта была въ шелковое голу-

бое платье и имѣла на лицѣ покрывало изъ розовой кисеи, усеянной блестками. Что же касается мѣстнаго болгарскаго костюма женщинъ, то онъ очень оригиналенъ и состоитъ изъ цвѣтной юбки съ пестрою каймой, душегрѣи изъ синяго бархата, отороченной мѣхомъ, и бѣлаго головного покрывала. За ушами затыкаются иногда живые цвѣты.

13 февраля. Въ 8 ч. утра батальонъ выступилъ изъ Бѣлы. Съ полчаса пробирались мы по грязнымъ, кривымъ улицамъ мѣстечка. Далѣе шоссеиная дорога окаймляетъ почти отвѣсную гору изъ известковаго плитняка, а по другую сторону дороги течетъ Янтра. Мы перешли чрезъ нее по длинному каменному мосту на 15-ти аркахъ и далѣе слѣдовали по долину этой рѣки, имѣющей очень быстрое и извилистое теченіе. Противоположный, правый берегъ представляетъ чудную панораму: за ближайшими горными планами уже виднѣется вдали синѣющая профиль Балканъ. Слѣдуя по совершенно сухому, уже пыльному шоссе, мы прошли двѣ деревни: Косово и Трѣмбесъ. Послѣ многочисленныхъ подъемовъ и спусковъ, пройдя 19 верстъ, достигли мы деревни Раданъ, гдѣ будемъ имѣть ночлегъ. Это селеніе, расположенное въ равнинѣ, вблизи Янтры, представляетъ картину полнаго разрушенія; едва наберется десятка два уцѣлѣвшихъ хатъ, гдѣ можно еще помѣститься. Турецкое кладбище съ разрытыми могилами и остатки разрушенной мечети производятъ удручающее впечатлѣніе.

14 февраля. Сегодня переходъ былъ легче вчерашняго: прошли всего верстъ 15; притомъ солнечный зной умѣрялся легкимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Шоссеиная дорога продолжала слѣдовать теченію Янтры, до уклоненія послѣдней вправо. По мѣрѣ нашего движенія на югъ признаки весны становятся все замѣтнѣе: вездѣ зеленѣетъ свѣжая травка, усеянная кое-гдѣ лиловыми цвѣточками. Пашни мѣстами уже воздѣлываются на быкахъ. Выступивъ изъ Радана въ 7 ч. утра, мы чрезъ два часа были у деревни Кочино (въ 20-ти верстахъ отъ Тырнова), гдѣ сдѣлали привалъ вблизи палатокъ летучаго госпиталя Краснаго Креста, снабдившаго насъ кипяткомъ для заварки чая. Слѣдующій привалъ былъ уже на 12-й верстѣ, на зеленѣющей лужайкѣ около моста чрезъ Янтру. Профиль Балканъ сегодня виднѣется очень явственно: можно различить уже два горныхъ хребта, изъ которыхъ дальній и самый высокій—снѣговой. Въ 3-мъ часу дня пришли мы въ большую деревню Поликраешти, расположенную на холмѣ, и здѣсь очень удобно размѣстились на ночлегъ въ просторныхъ и чистыхъ болгарскихъ хатахъ. Мѣстное населеніе встрѣтило насъ очень дружелюбно. Замѣтно, что здѣсь привыкли уважать русскихъ.

15 февраля. Изъ Поликраешти выступили мы съ разсвѣтомъ. Сначала шли совершенно ровною дорогою, которая вскорѣ привела насъ къ подножію горной группы замѣчательной красоты.

Здѣсь мы опять увидали Янтру, хотая выходить изъ горнаго ущелья. Въ этомъ мѣстѣ живописно раскинулась деревня Самовода. Отсюда шоссе начинаетъ подниматься въ гору и открываются чудные горные виды, одинъ лучше другого. Съ лѣвой стороны, по глубокому ущелью съ шумомъ несется Янтра по скалистому руслу, устланному горными обломками. Горы, сходясь здѣсь, образуютъ какъ-будто гигантскія стѣны, увѣнчанныя башнями. Ниже къ рѣкѣ онѣ покрыты густымъ лѣсомъ. У самаго подножія скалистой стѣны, на правомъ берегу Янтры пріютился красивый монастырь св. Троицы, выступающій на темномъ фонѣ лѣса со своими бѣлѣющими постройками и жестяными куполами церквей. Миновавъ это живописное мѣсто и слѣдуя далѣе по ущелью, мы вскорѣ увидали на другомъ берегу рѣки второй монастырь, Преображенія, не уступающій первому по красотѣ мѣстоположенія. Къ Тырнову мы подошли почти незамѣтно. Только въ 2-хъ верстахъ отъ города показались изъ-за горы бѣлый минаретъ мечети и нѣсколько домовъ. Поднявшись круто въ гору, мы сразу очутились при входѣ въ узкую и грязную улицу. Первое наше впечатлѣніе въ Тырновѣ было громкое пѣніе русской солдатской пѣсни:

По горамъ твоимъ, Дунай,
Разнеслась про насъ молва...

которымъ встрѣтила насъ собравшаяся на пригоркѣ толпа болгарскихъ мальчугановъ. Что-то родное послышалось намъ въ этой лихой пѣснѣ. Подравнявъ ряды, вступили мы въ городъ, который вскорѣ огласился болѣе стройнымъ пѣніемъ нашихъ молодцовъ-матросовъ. При нашемъ слѣдованіи съ пѣснями по узкимъ городскимъ улицамъ, изъ многихъ оконъ высовывались женщины; мужчины толпились у воротъ домовъ. Встрѣчали насъ здѣсь, какъ своихъ, очень радушно.

Насколько Тырновъ невзраченъ внутри, со своими узкими и неправильными улицами, настолько онъ выигрываетъ въ красотѣ, когда смотришь на него, выйдя за городъ, съ южной стороны. На темномъ фонѣ угрюмыхъ горъ ярко выступаютъ расположенные ярусами на крутыхъ возвышенностяхъ бѣлые городскіе домики. Между ними возвышается православный соборъ, бывший „конакъ“ губернатора (паши) — большое 3-хъ этажное зданіе, превращенное теперь въ военный госпиталь, и нѣсколько мечетей. Подъ городомъ протекаетъ извилистая Янтра. Куда ни глянешь, вездѣ кругомъ горы и дикія ущелья. Въ Тырновѣ теперь свирѣпствуетъ эпидемія тифа, а потому квартиры войскамъ отводятся внѣ города. Размѣстивши команду въ пригородныхъ поселкахъ, мы сами воспользовались любезнымъ приглашеніемъ начальника мѣстнаго продовольственнаго склада, капитана Конисскаго, и помѣстились въ загородномъ домѣ съ большимъ садомъ, на Систовскомъ шоссе: видъ на городъ отсюда

прекрасный. Говорятъ, домъ этотъ служилъ когда-то лѣтнею резиденціею Мидхада паши. Отсюда я съѣздить въ городъ и посѣтилъ турецкую баню. Потомъ уже я узналъ, что бани эти занимаютъ здѣсь мѣсто, гдѣ находилась въ старину болгарская православная церковь. Это обнаружилось недавно чрезъ находку стариннаго подпрестольнаго камня съ надписью, который съ большимъ торжествомъ перенесенъ былъ отсюда въ мѣстный соборъ. Въ Тырновѣ расположено теперь нѣсколько болгарскихъ дружинъ: онѣ носятъ форму въ родѣ нашей (сѣрые шинели солдатскаго сукна съ красными погонами и № дружины) и мѣховыя черныя шапки съ осемиконечнымъ крестомъ. Дружины эти набирались изъ добровольцевъ по деревнямъ. Происходило это такъ: офицеръ въ сопровожденіи барабанщика и болгарскаго знамени слѣдовалъ изъ одной деревни въ другую и на его призывъ къ нему отовсюду стекались толпы болгаръ-добровольцевъ, готовыхъ драться за освобожденіе родины. Имъ выдавалось оружіе (ружья Шассио и Пібоди), а также обмундировка, на средства Славянскаго Комитета. Въ эти дружины офицеры и унтеръ-офицеры назначались изъ нашей арміи, и не мало труда было положено этими инструкторами при обученіи юнаго войска. Это болгарское ополченіе уже стяжало свои первые боевыя лавры на Шипкѣ, въ Троянѣ, Травнѣ и другихъ бояхъ, и между молодыми его воинами встрѣчается не мало георгіевскихъ крестовъ. Жаль только, что, какъ слышно, военная служба начинаетъ тяготить этихъ добровольцевъ и многіе изъ нихъ возвращаются домой, а прибыли больше нѣтъ. Такимъ образомъ труды нашихъ офицеровъ по устройству кадровъ могутъ пропасть, если не будетъ здѣсь вскорѣ введена обязательная военная служба. Говорятъ, мѣстная болгарская интеллигенція (здѣсь не мало лицъ, обучавшихся въ иностранныхъ университетахъ, въ томъ числѣ и въ русскихъ) очень озабочена вопросомъ организаціи мѣстной арміи, признавая ее необходимою для защиты Болгаріи на два фронта въ близкомъ будущемъ. Къ Румыніи съ ея притязаніями на Добруджу здѣсь относятся съ большимъ недовѣріемъ.

16 февраля. Сегодня у насъ дневка въ Тырновѣ. Погода съ утра нахмурилась и стала дождливою. Я проѣхалъ верхомъ по городу и побывалъ въ особенно живописномъ, но полуразрушенномъ турецкомъ кварталѣ. Здѣсь особенно оригиналенъ каменный мостъ чрезъ Янтру и главная мечеть (древній болгарскій соборъ) съ прилежащимъ къ ней обширнымъ турецкимъ кладбищемъ. Въ городѣ я купилъ для нашего походнаго хозяйства 50 окъ превосходнаго мѣстнаго краснаго вина: оно пойдетъ съ нами въ путь на особомъ осликѣ, въ двухъ боченкахъ. Хорошее вино здѣсь попадаетъ рѣдко, такъ какъ винодѣліе въ Болгаріи находится еще въ весьма первобытномъ состояніи. Здѣсь часто на одной лозѣ произрастаетъ виноградъ разныхъ сортовъ и изъ всѣхъ безъ разбору выжимается одно

вино, почему оно и выходитъ плохимъ и желтовато-краснаго цвѣта. Между тѣмъ вина потребляется здѣсь много: зажиточный болгаринъ выпиваетъ до 5-ти окъ „вінка“ въ день: 3—къ обѣду и 2—къ ужину. Нашъ хозяинъ разсказалъ намъ, что на дняхъ захвачена въ окрестностяхъ Елены часть шайки башибузуковъ, грабившей обозы, и въ томъ числѣ паша, который ею руководилъ. Послѣдній заключенъ въ тюрьму и будетъ преданъ военному суду. Башибузуки, говорятъ, не признаютъ перемирія и разбойничаютъ, гдѣ только возможно.

17 февраля. Батальонъ съ обозомъ выступилъ изъ Тырнова рано утромъ, а наша рота тронулась въ путь около полудня, конвоируя подводы съ фуражемъ. Погода стала проясняться. Версты съ три шли мы ущельемъ вдоль Янтры, а затѣмъ оставили ее вправѣ. Безпрестанно встрѣчались намъ здѣсь вереницы лошадей и ословъ, навьюченныхъ древеснымъ углемъ и дровами для многочисленныхъ кузницъ, которыми славится Тырновъ: его называютъ „столицею подковъ“. Здѣсь заготавливаются теперь большіе транспорты подковъ для нуждъ нашей арміи. При выходѣ изъ ущелья, на горномъ подъемѣ шоссейная дорога раздвояется: правая идетъ на Дреново и Шипку, а лѣвая—на Елену. По этой послѣдней мы и продолжали нашъ путь, имѣя предъ глазами на горизонтѣ первую снѣжную вершину Балканъ. Вскорѣ дошли мы до селенія Призово и здѣсь дали передышку людямъ и воламъ передъ крутымъ подъемомъ. На вершинѣ горы мы увидѣли рядъ земляныхъ укрѣпленій: батарей и ложементовъ, возведенныхъ нашими войсками; здѣсь нашлось даже нѣсколько пачекъ бердановскихъ патроновъ.

Пройдя еще 5 верстъ, вступили въ большую деревню Фидубей, за которою тянутся обширные виноградники. Замѣтны здѣсь еще свѣжіе слѣды недавно происходившихъ въ этихъ мѣстахъ сраженій, а именно разрушенныя снарядами постройки; между ними попалось намъ нѣсколько неубранныхъ труповъ турецкихъ солдатъ въ формѣ низама. Послѣ двухъ, трехъ крутыхъ подъемовъ мы приблизились къ подножію высокаго горнаго хребта. Здѣсь начались густыя лѣсныя заросли, а за ними показался горный потокъ, который мы перешли въ бродъ, переправивъ чрезъ него наши повозки съ фуражемъ съ немалыми усилиями. На противоположномъ берегу потока открылся предъ нами живописный монастырь св. Іліи (Плаковский м.) съ высокою колокольнею, сверкавшею при заходящемъ солнцѣ своею бѣлою жестяною крышею. Въ полуверстѣ отсюда, на берегу того-же потока и при входѣ въ ущелье стоитъ другой монастырь, св. Николай (Капинскій м.): сюда пришли мы на ночлегъ, когда уже стало совсѣмъ темнѣть. Дворъ монастыря окруженъ со всѣхъ сторонъ двухъэтажнымъ зданіемъ монашескихъ келій съ крытыми балконами во всю длину. Здѣсь съ удобствомъ размѣстилась на ночлегъ почти

вся наша команда. По срединѣ двора возвышается церковь и нѣсколько часовенъ, расписанныхъ снаружи фресками въ византійскомъ стилѣ. Для офицеровъ отведена была довольно просторная монастырская трапезная, съ длиннымъ столомъ изъ цѣльнаго орѣха. За рѣшетчатыми окнами шумить горный водопадъ. Несмотря на то, что въ помѣщеніи этомъ, не имѣющемъ печей, было довольно холодно, мы удобно размѣстились здѣсь и залегли спать, предварительно поужинавъ.

18 февраля. Рано утромъ начались сборы къ уходу. При дневномъ свѣтѣ я могъ разсмотрѣть то, чего не разобралъ наканунѣ. Дворъ монастыря съ его оригинальными церковными строеніями, колодеземъ и остатками сада и пчельника, сильно пострадавшими за послѣднее время, представляетъ однако еще довольно красивый видъ. Церковь раздѣлена внутри стѣною на двѣ половины: паперть и главную церковь. Иконостасъ рѣзной, 3-хъ ярусный съ довольно хорошо иконною живописью по золотому фону. Имѣется въ церкви архіерейское мѣсто съ рѣзною сѣнью надъ нимъ. Мнѣ удалось простоять часть монастырской обѣдни: она буквально сходна съ нашею, но только пѣніе напоминаетъ греческое: крикливое, носовое. Монаховъ здѣсь въ настоящее время не болѣе 10 человѣкъ.

Выступивъ изъ монастыря, мы шли узкою горною дорогою, проведенною по самому краю обрыва: внизу съ шумомъ несется та-же горная рѣка, Златарска, которую мы переходили въ бродъ наканунѣ. Но только здѣсь она гораздо глубже и бурливѣе, протекая по каменистому руслу и образуя частые пороги и даже водопады. Путь чрезъ горное ущелье представлялъ самые разнообразныя и фантастическіе виды: то безпорядочно расположенные слои, нависшіе надъ дорогою, то громадные обломки скалъ, скатившіеся внизъ, къ потоку и загромождающіе его теченіе. Далѣе начались лѣсныя заросли, прорѣзываемыя горными ручьями. И здѣсь встрѣчались намъ слѣды недавнихъ военныхъ переходовъ: скелеты сорвавшихся съ обрыва внизъ лошадей, обломки колесъ и повозокъ и, наконецъ, опять нѣсколько труповъ турецкихъ солдатъ: между ними, трупъ негра, съ зіяющею раною на груди, зацѣпился за скалу и повисъ надъ потокомъ...

По выходѣ изъ ущелья дорога сворачиваетъ влѣво и вскорѣ открылась предъ нами деревня Яковцы. Миновавъ ее, версты съ двѣ далѣе, мы проходили по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ князь Святополкъ-Мирскій удерживался на укрѣпленныхъ позиціяхъ, тотчасъ послѣ своей неудачи у Марены. Позиціи эти расположены въ нѣсколько ярусовъ по крутому спуску къ рѣчкѣ: чрезъ нее перекинутъ теперь небольшой деревянный мостъ, а противоположный берегъ представляетъ ровное мѣсто. Здѣсь, на бывшемъ полѣ битвы, еще недавно усѣянномъ турецкими тѣлами, сдѣлали мы остановку. Невдалекѣ еще виднѣется сломанный передокъ отъ орудія. Жизнь

впечатлѣнія еще увеличивалась тѣмъ, что пока мы находились здѣсь, мимо насъ прослѣдовала партія плѣнныхъ турокъ изъ Адрианополя, конвоируемая солдатами болгарской дружины.

Отъ описаннаго мѣста до Елены намъ оставалось пройти не болѣе 7-ми верстъ. Городъ этотъ расположенъ въ котловинѣ и очень раскинутъ, но большая половина его теперь лежитъ въ развалинахъ. При занятіи квартиръ жители приняли насъ очень недружелюбно и едва впускали въ свои дома. Такое недоброжелательное отношеніе мѣстнаго населенія Елены къ русскимъ, какъ слышно, замѣчалось не одними нами. Причина его—вынужденное отступленіе кн. Мирскаго отсюда, послѣ чего городъ подвергся полному разгрому со стороны турокъ, и въ особенности баши-бузуковъ.

Это было на Рождествѣ: турки сожгли тогда около сотни лучшихъ болгарскихъ домовъ въ городѣ, разграбили церковь и перебили множество болгаръ, не щадя ни возраста, ни пола. Долгое время послѣ того городъ зараженъ былъ трупами убитыхъ; еще недавно подъ деревяннымъ мостомъ обнаруженъ былъ трупъ повѣшаннаго турками русскаго офицера. При осмотрѣ города я посѣтилъ соборный храмъ: это большое прямоугольное зданіе съ высокимъ куполомъ; особенность его внутренняго устройства представляютъ идущіе вокругъ стѣнъ хоры и проповѣдническая кафедра, какъ въ католическихъ церквахъ. Затѣмъ я направился въ разгромленный турками кварталъ, представляющій самую печальную картину. Оскверненная турками церковь завалена грудami обломковъ отъ иконостаса и клочками изорванныхъ иконъ и хоругвей. При этой церкви есть кладбище, гдѣ уцѣлѣли довольно красивые мраморные памятники; на многихъ теплятся лампы. Надгробныя надписи, высѣченныя русскими буквами, часто въ стихахъ; такъ, на одномъ памятникѣ я прочелъ двустипхъ: „Живъ—веселися, почивъ—не огорчйся“. Пріятно поразилъ меня раздавшійся вечеромъ церковный благовѣстъ ко всенощной: это, какъ мы узнали, звонъ колоколовъ, присланныхъ въ Болгарію въ даръ отъ православной Москвы. Обѣдали мы на балконѣ отведеннаго намъ дома; погода сегодня теплая, какъ у насъ въ сентябрѣ.

19 февраля. Утро сегодня пасмурное. Рѣшено не дѣлать дневки въ Еленѣ, чтобы скорѣе перевалить чрезъ Балканы. Въ 8 ч. выступили мы изъ города, приближаясь къ подножію горнаго хребта. Здѣсь происходило то второе, несчастное для насъ, дѣло, въ которомъ кн. Мирскій потерялъ слишкомъ тысячу человекъ выбывшими изъ строя и взятыми въ плѣнъ. Протекающій здѣсь горный ручей еще сейчасъ заваленъ неубранными трупами лошадей. На косогорѣ виднѣются ложементы. Отъ этого мѣста начался весьма замѣтный подъемъ въ гору: это уже начало Еленинскихъ Балканъ. Привыкнувъ идти по сухой и гладкой шоссеиной дорогѣ, мы здѣсь снова испы-

тали всю тяжесть крутых подъемов и грязи. На каждом повороте дороги открывались предъ нами величественныя горныя группы, заросшія лѣсомъ, а по временамъ изъ-за этихъ горъ выдвигалась громадная цѣпь снѣжныхъ Балканъ. Мы подвигались впередъ довольно медленно. Сначала насъ задерживалъ какой-то слѣдовавшій впереди армейскій обозъ, а далѣе, на очень крутомъ и грязномъ подъемѣ мы наткнулись на длиннѣйшій интендантскій транспортъ, нагруженный сильно запоздавшими въ своемъ назначеніи солдатскими полушубками! Едва ли за Балканами они теперь кому-нибудь могутъ понадобиться. Трудно представить себѣ что-нибудь плачевнѣе этого злополучнаго обоза: повозки, запряженныя парами несчастныхъ заморенныхъ клячъ, до половины колесъ увязли въ грязи. Нѣкоторыя лошади уже успѣли издохнуть. Интендантъ, ведшій транспортъ, видимо потерялъ всякую надежду двинуться далѣе и съ горя напился пьянымъ. Намъ пришлось исполнить двойную работу: вытащить увязшія интендантскія повозки изъ грязи и освободить путь для нашего обоза. На этомъ крутомъ подъемѣ мы такимъ образомъ промучались болѣе 2-хъ часовъ и только съ наступленіемъ темноты добрались до небольшой деревни Кишлы, находящейся у самаго подножія снѣжнаго хребта. Эта жалкая деревушка заключаетъ всего лишь одну уцѣлѣвшую хату и нѣсколько полуразрушенныхъ сараевъ. Послѣдніе оказались уже занятыми отрядомъ казаковъ. Намъ пришлось устроиться на ночлегъ въ палаткахъ, что при холодномъ горномъ вѣтрѣ, бушевавшемъ во всю эту ночь, представляло не совсѣмъ пріятную перспективу. Бурные порывы вѣтра не разъ срывали палатки, грозя унести ихъ въ пропасть, на краю которой расположился нашъ лагерь. Не безъ затрудненій удалось намъ кое-какъ поужинать и согрѣться чаемъ подъ открытымъ небомъ. Кругомъ дымно пылали костры, разложенные командою, и мелькали во мракѣ палатки. Какъ ни скверно было въ данную минуту переносить и холодъ, и утомленіе, но сознаніе, что мы близки къ цѣли и завтра пойдемъ на приступъ снѣжнаго хребта со свѣжими силами, придавало намъ бодрость. Укутавшись во все, что было у насъ теплаго, провели мы въ палаткахъ эту бурную и холодную ночь и, конечно, порядкомъ прозябли.

20 февраля. Разсвѣло пасмурное и холодное утро. Снѣжный хребетъ Балканъ окутанъ былъ густою мглою тумана... Съ ранняго утра посланъ былъ нашъ авангардъ для очистки пути отъ встречныхъ подводъ и другихъ препятствій. Затѣмъ батальонъ былъ распределенъ къ повозкамъ нашего обоза. На долю нашей роты достался задній его конецъ, т. е. наемныя болгарскія подводы на быкахъ и буйволахъ. Согрѣвшись чаемъ, мы тронулись въ путь около 8-ми час. утра. Отъ самой Кишлы начался крутой подъемъ по глубокой грязи; узкая дорога проходитъ здѣсь между зарослями кустарника.

Вѣтеръ дулъ неистово, принося попеременно, то дождь, то снѣгъ. Поднявшись на довольно большую высоту, мы вступили наконецъ въ область снѣгового хребта. Здѣсь дорога извивается среди вѣкового лѣса изъ огромныхъ дубовъ и буковъ, то вступая въ глубину этого лѣса, то приближаясь къ самому краю бездонной пропасти. На одномъ изъ такихъ поворотовъ дороги открылась предъ нами величественная горная панорама. Сѣверные Балканы со своими многочисленными и разнохарактерными горными группами далеко простирались во всѣхъ направленіяхъ, будто окаменѣвшее бурное море съ его высокими валами и стремительными безднами. Нѣкоторыя горныя вершины ярко освѣщались солнцемъ, другія окрашивались густою синевою дали, тогда какъ третьи, мрачныя какъ ночь, окутаны были свинцовыми снѣговыми тучами. Въ этой чудной панорамѣ больше суроваго, чѣмъ улыбающагося: не видно здѣсь ни горныхъ озеръ, ни зеленѣющихъ горныхъ долинъ, ни ласкающихъ взоръ поселеній и виноградниковъ: преобладающій характеръ всѣхъ этихъ горъ мрачный и дикій.

Подъемъ, весьма длинный, хотя и не особенно крутой, продолжался верстъ 7; дорога была все время довольно исправная, только мѣстами размыта она горнымъ потокомъ. Наши молодцы-матросы дружно и бодро подсобляли быкамъ и буйволамъ вытаскивать подводы на тяжелыхъ мѣстахъ, при чемъ тянули ихъ лямками. Постепенно приближались мы къ вершинѣ хребта, при чемъ поднимались въ облако, которое совершенно охватило насъ, когда мы очутились наконецъ на ровномъ мѣстѣ, среди дѣвственнаго буковаго лѣса. Здѣсь мы вполнѣ ощутили зиму: насъ окружалъ отовсюду глубокій снѣгъ, а гигантскіе стволы деревъ, исчезавшіе вершинами въ облакъ, покрыты были инеемъ. Дорога по вершинѣ среднихъ Балканъ идетъ верстъ съ 10 боромъ и должна быть чрезвычайно красива въ лѣтнее время. Теперь же придаютъ ей особенную мрачность безпрестанно попадающіеся здѣсь трупы павшихъ лошадей. Еще въ лѣсу застигла насъ снѣжная буря, засыпавшая насъ снѣгомъ и крупю.

Только около 3 ч. дня добрались мы до опушки бора. Здѣсь обозъ остановился на крутомъ и чрезвычайно узкомъ спускѣ, на краю пропасти. Пришлось привязывать къ каждой повозкѣ веревочные концы и удерживать ихъ на рукахъ вдоль всего этого опаснаго спуска. Несмотря на эту предосторожность, одна повозка съ тройкою лошадей и возницею опрокинулась и полетѣла съ обрыва внизъ. Къ счастью нѣсколько деревьевъ на склонѣ удержали ее, и повозка осталась цѣла, возница также отдѣлался благополучно; только одна лошадь зашиблась при этомъ. Миновавъ это опасное мѣсто безъ дальнѣйшихъ приключеній, мы часа чрезъ полтора двинулись далѣе. Начались новые подъемы и спуски на отдѣльныхъ вершинахъ горъ, но до столь желаннаго южнаго склона мы еще не скоро добрались.

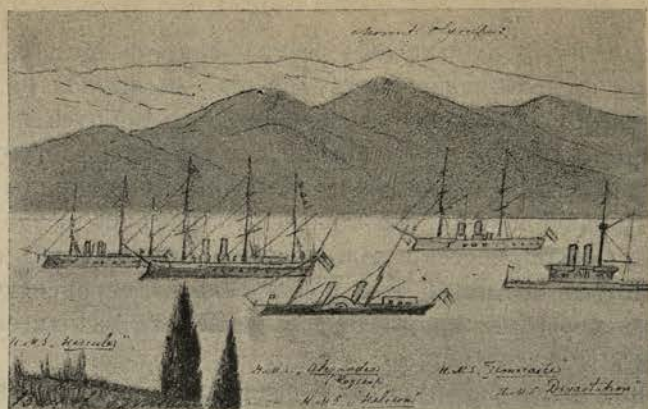
Надежда скоро достигнуть Твердицы однако ободряла насъ. Спускъ дѣйствительно вскорѣ начался по очень скалистой и узкой дорогѣ: попадались такія мѣста, гдѣ подвода едва могла пройти между двухъ скаль. При этомъ спускать можно было не иначе, какъ удерживая повозки сзади на веревкахъ. На одномъ изъ такихъ спусковъ насъ настигла новая снѣжная метель съ леденящимъ вѣтромъ. Часовъ до 6-ти вечера мы продолжали спускаться по крутымъ склонамъ, встрѣчая на пути множество павшихъ лошадей и бѣдствующихъ погонщиковъ съ повозками, оставшихся здѣсь въ самомъ отчаянномъ положеніи, безъ лошадей и хлѣба. Наши матросики снабдили такихъ несчастныхъ сухарями.

Южные склоны Балканъ и даже долина за ними успѣли открыться предъ нами еще до темноты, и мы не теряли увѣренности, что скоро достигнемъ желанной цѣли. Но увѣренность эта стала уменьшаться, когда мы неожиданно спустились въ глубокую, скалистую долину, по которой шумно несется р. Твердица, а перейдя чрезъ нее по мосту, вдругъ встрѣтили новый крутой подъемъ въ гору! Это было въ ту минуту для насъ тяжкимъ разочарованіемъ. Уже успѣло совѣтъ стемнѣть, и мы, усталые и измученные продолжительными блужданіями по горамъ, совершенно упали духомъ. Дальнѣйшій нашъ путь до д. Твердицы можно опредѣлить въ двухъ словахъ: мы подвигались ощупью. Медленно ползли въ темнотѣ по горной тропѣ наши повозки, конвоируемые командой, имѣя справа скалистую стѣну горы, а слѣва—глубокую пропасть, которая въ ночномъ морѣ казалась бездонною. Внизу ея слышался шумъ рѣки. Такъ шли мы еще часа съ два. Кто-то догадался зажечь впереди фонарь и этотъ спасительный огонекъ руководилъ насъ на краю бездны. Небо стало было проясняться и даже проглянули звѣзды, но не надолго; вскорѣ опять нашла туча и пошелъ сильный градъ, такъ что ничего не видно было даже въ 2-хъ шагахъ. Положеніе наше становилось весьма незавиднымъ, когда наконецъ, послѣ новаго подъема въ гору, вдругъ замелькали предъ нами внизу огоньки деревни. Всѣ радостно вскрикнули. Однако до этихъ огоньковъ было еще далеко и насъ отдѣляла отъ нихъ какая-то чернѣющая пропасть. Длинными извилинами, то теряя деревню изъ виду, то снова видя предъ собою ея огоньки, приближались мы къ Твердицѣ.

Наконецъ, около 10 ч. вечера вступили мы въ эту деревню, гдѣ размѣстили команду, а затѣмъ и сами отыскивали себѣ хату для ночлега. Послѣ 30-ти верстной ходьбы по горамъ, съ избитыми подошвами и ломотою во всѣхъ членахъ, разлеглись мы на полу хаты и каждый изъ насъ при этомъ перекрестился и сказалъ отъ души: ну, слава Богу, наконецъ-то перевалили чрезъ грозные Балканы!

Юрій Арсеньевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Броненосцы английской эскадры въ Измидской бухтѣ (къ стр. 108—109).

Изъ пережитаго.

Дневникъ моряка на Дунаѣ и въ сухопутномъ походѣ за Балканы.

(1877—1878 гг.).

(Продолженіе; см. № 2).

21 февраля. Первое пробужденіе за Балканами было не изъ особенно пріятныхъ. Намъ столько наразсказали о благодатномъ климатѣ Забалканья, гдѣ розы, будто бы, уже теперь въ полномъ цвѣту, и т. под., что мы вообразили себя въ какой-то Италіи и сгоряча не обратили вниманія на болѣе чѣмъ плачевное состояніе нашей хаты: она имѣла совершенно дырявыя стѣны, окна не заклеены были даже бумагой, а плохая печь съ прямою трубой вовсе не держала тепла. При бушевавшей на дворѣ снѣжной метели вѣтеръ свободно проникалъ чрезъ щели и мы проснулись совершенно продрогшими. Несмотря на это, для насъ явилось истиннымъ удовольствіемъ послѣ вчерашняго подвига спокойно просидѣть въ хатѣ и согрѣваться горячею пищею и чаемъ.

Твердица оказалась совершенно разоренною деревней, куда теперь лишь начинаютъ возвращаться разбѣжавшіеся жители-болгаре. Мѣстный типъ населенія какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, довольно красивый, но выраженіе лицъ у нихъ какое-то запуганное, забитое. Хозяева нашей хаты—молодой болгаринъ лѣтъ 25-ти съ выразительными глазами и орлинымъ носомъ (онъ никогда не снімаетъ съ головы своей мохнатой барашковой шапки). Жена его, кажущаяся на видъ старше его, красивая, стройная женщина. Недавно лишь возвратились они сюда изъ Систова, гдѣ работали на желѣз-